

1 Психоанализ. Современное состояние

1.1 Наша позиция

В этой книге мы будем часто и подробно ссылаться на работы Зигмунда Фрейда. Поэтому сначала нам бы хотелось дать общее представление о том, как мы понимаем его работы и какой является наша собственная позиция в вопросах психоанализа. Обширное цитирование Фрейда служит нескольким целям. Несмотря на успехи в систематизации материала, на сегодняшний день справедливо отметить, что «лучший способ понимания психоанализа все еще заключается в том, чтобы проследить его происхождение и развитие» (Freud, 1923a, p. 235). Ознакомление с классическими текстами является необходимым условием для понимания современных проблем психоанализа и поиска их решений.

Целью данной работы является *исторически ориентированное систематическое описание психоанализа*. Мы используем источники, питавшие психоаналитическое течение, чтобы продемонстрировать те направления в его развитии, которые привели к современным взглядам. Отрывки, которые мы цитируем, служат средством достижения следующей цели: мы обосновываем и защищаем нашу точку зрения, полемизируя с позицией Фрейда. Противоречия, имеющиеся в его работах и десятилетиями повторяющиеся в той или иной форме, свидетельствуют об открытости психоанализа: «...он находит свой путь на ощупь благодаря опыту, он всегда незавершен и всегда готов к исправлению или модификациям своей теории» (Freud, 1923a, p. 253). Его прочное основание заложено в следующих трех отрывках из Фрейда.

С самого начала в психоанализе существовала *неразрывная связь между лечением и исследованием*. Знание приносило терапевтический успех. Было невозможно лечить пациента, не узнав что-то новое; было невозможным достижение нового инсайта без понимания его благотворных результатов. Наша аналитическая процедура является единственной, где гарантировано это ценное соединение. Только благодаря проведению нашей *пастырской работы* мы можем углубить наше брезжущее понимание человеческого разума. Эта перспектива научных открытий составляет самую ве-

26 Психоанализ. Современное состояние

личавую и счастливую черту аналитической работы (Freud, 1927a, p. 256; курсив наш).

Случаи анализа, которые приводят к благоприятному завершению в течение короткого времени, ценны тем, что они способствуют росту самооценки терапевта и подтверждают *медицинскую важность* психоанализа; но они остаются большей частью малозначительными с точки зрения продвижения *научного знания*. Из них нельзя научиться ничему новому. Фактически они и достигают успеха так скоро, потому что все, что было необходимо для их завершения, уже было известно. Что-то новое можно добыть только из тех случаев психоанализа, которые представляют особые трудности, и, чтобы их преодолеть, необходимо посвятить этому очень много времени. Только в таких случаях мы можем успешно опуститься на самые глубинные и наиболее примитивные уровни психического развития и оттуда найти решение для проблем более позднего образования. И тогда мы чувствуем, что, строго говоря, *только анализ, который проник так далеко, заслуживает этого названия* (Freud, 1918, p. 10; курсив наш).

Я уже говорил вам, что психоанализ начинался как метод лечения, но я бы не хотел привлекать ваш интерес к нему как к способу лечения; он достоин интереса благодаря истинам, которые содержит, благодаря информации, которую он нам дает о том, что, прежде всего, имеет отношение к человеку, его собственной природе, и благодаря связям, которые он раскрывает, между самыми различными сферами деятельности человека. В качестве метода лечения он — один среди многих, хотя наверняка *primus inter pares*¹. Если бы он не представлял терапевтической ценности, он не был бы открыт как таковой и не получил бы дальнейшего развития в течение уже более чем тридцати лет (Freud, 1933a, p. 156 — 157; курсив наш).

Как показывают эти цитаты, Фрейд наметил план классического здания, которое, однако, никогда не достигнет завершения, и не только потому, что каждый аналитик снова находит строительный материал в каждом случае анализа, даже если он уже и был до него использован, но и в принципе.

Три основных тезиса, выраженные в этих отрывках, содержат важные компоненты причинного понимания терапии. Фрейд не допускает никакого ослабления нерасторжимой связи лечения и исследования. Аналитик не может быть удовлетворен только терапевтическим успехом. Он хочет высветить генезис психических нарушений и сверх того выяснить, как они изменяются в курсе терапии или почему они не изменяются. Неудачи всегда являются самым большим стимулом. Утверждение о том, что существует нерасторжимая связь между лечением и исследованием, требует, чтобы и то, что определяет генезис и изменение, и то, что определяет неудачи в терапии, стало предметом научного исследования. Психоанализ пошел дальше терапии внушением, ориентированной на симптомы. Не делать попыток объяснения, не предпринимать усилий к тому, чтобы выве-

Наша позиция 27

сти общие заключения из конкретного материала, который получен, равносильно возврату к прагматизму или «бесконечной цепи экспериментирования» (Freud, 1933a, p. 153). Фрейд выразил озабоченность тем, что «терапия... уничтожит науку» (1927, p. 254). Он считал, что его строгие (беспристрастные) правила исследования и лечения создают наилучшие научные условия для реконструкции ранних воспоминаний пациента и что раскрытие амнезий создает оптимальные условия для терапии (1919e, p. 183). Сегодня мы знаем, что поддержание нерасторжимой связи требует большего, чем просто отказ от грубого внушения и строгое соблюдение стандартизированных правил лечения. Даже Фрейд настаивал на создании наиболее благоприятных условий в каждой отдельной аналитической ситуации, то есть признавал необходимость гибкости, ориентированной на пациента (1910d, p. 145).

Создание терапевтической ситуации является предпосылкой того, чтобы бессознательные психические связи стали доступными инсайту. Фрейд недооценивал научную ценность демонстрирования терапевтического изменения и прояснения лечебных факторов. Он писал в связи с этим: «Психоанализ — это не беспристрастное научное исследование, а терапевтическое средство. Суть его не в том, чтобы что-то доказать, а в том, чтобы просто что-то изменить» (1909d, p. 104). Обоснованность противопоставления этих двух пунктов является спорной. Основная задача современного исследования в терапии заключается в том, чтобы показать, что изменения происходят в курсе психоаналитического лечения, и прояснить отношения между этими изменениями и теориями, которых придерживается аналитик. Если это будет достигнуто, будут решены многие проблемы. Для Фрейда установление *причинных* связей имело приоритет; это принцип, на котором был основан классический психоанализ и который отличает его от терапии внушением. Фрейд касался этого вопроса, комментируя мнение эксперта, подготовленное Инсбрукским факультетом медицины, по поводу случая Хальсманна (Freud, 1931d). Филипп Хальсманн обвинялся в

¹ Первый между равными (*лат.*).

убийстве своего отца, и защита утверждала, что он не несет ответственности, ссылаясь на эдипов комплекс как на смягчающий фактор. Таким образом, надо было прояснить вопрос о причинных отношениях между эдиповым комплексом и предполагаемым отцеубийством. Фрейд утверждал, что от эдипова комплекса «очень далеко до обоснования такого деяния. Именно потому, что он *присутствует всегда*, эдипов комплекс не годится в качестве основания при решении вопроса о виновности» (1913d, p. 252; курсив наш). Место отцеубийства в этом примере могло бы занять любое другое обстоятельство или симптом. Более того, если систему патологии, основанную на таком одностороннем

28 Психоанализ. Современное состояние

взгляде, заменить системой двух классов (эдипов — доэдипов), объяснительная сила возрастет лишь минимально. Фрейд иллюстрирует это положение следующим анекдотом:

Произошла кража со взломом. Человек, который владел отмычкой, был сочтен виновным в преступлении. После вынесения приговора его спросили, хочет ли он что-нибудь сказать; он попросил, чтобы его приговорили также за адюльтер, потому что у него и для этого есть инструмент (Freud, 1931d, p. 252).

Глобальные псевдообъяснения в данном случае важны не более, чем миф о грехопадении в теологии. Подобно притязаниям на исцеление всех мировых болезней только в силу изменений в одной или двух областях, очень привлекательна и идея о том, что психические нарушения имеют стандартную эдипову или доэдипову этиологию и что существует два вида соответствующей терапии с поляризацией между отношениями и толкованием (Cremetius, 1979). Это представление ставит в соответствие самые глубинные уровни с ранними и наиболее сильными патогенными факторами, которые, кажется, объясняют все. Различные школы попирают основную идею классического подхода во имя своих относительных стандартизации, когда им не удастся представить или даже попытаться представить необходимые доказательства или, наоборот, счесть, что они уже представлены. Психоанализ постоянно создается вновь, если делается попытка перевести в практику те принципы, которые содержатся в трех отрывках из Фрейда, процитированных нами выше. Уже полученные знания необходимо постоянно проверять. Опускание на самые глубокие патогенные уровни должно быть оправдано решением текущих проблем, которые в свою очередь зависят от патогенных факторов, имеющих глубинные корни.

Из учения Фрейда можно заключить, что терапия, осуществляемая на знакомой территории, проходит значительно быстрее. Овладение аналитика своим ремеслом (осмысленной передачей своих знаний, способностей и опыта) должно вести даже к ускорению лечения. Самооценка и аналитика и пациента вырастает, когда успех предсказан и достигнут. В самом деле, многие случаи кратковременной — по длительности или количеству сеансов — терапии достигают долговременных изменений, и в силу этого их нельзя отбросить просто как лечение симптомов или разрешение переноса. Случаи анализа, ведущие к благоприятному завершению в течение короткого времени, однако, не очень ценятся сегодня и едва ли повышают профессиональный престиж аналитика. Скорее существует тенденция соотносить качество анализа с его длительностью, хотя это уже совсем другой вопрос: отвечают ли таким образом полученные знания терапевтическим и теоретическим критериям?

Наша позиция 29

Работы Фрейда можно цитировать в поддержку различных подходов. Нельзя не заметить, что в терапевтическом и научном мышлении Фрейдом владела идея, предполагающая, что в один прекрасный день можно будет отбросить все другие влияния и прийти к чистому

интерпретированию. Утопическое видение чистого толкования, которое отстаивал Эйсслер (Eissler, 1958) в своем споре с Лёвенштайном (Loewenstein, 1958), решило бы огромное количество практических и теоретических проблем, и трудно устоять перед таким искушением. Мы бы тоже с радостью с этим согласились, если бы не опыт — наш лучший учитель. В этом контексте Фрейд (1919а, р. 162) спрашивал, достаточно ли делать вытесненный материал сознательным и раскрывать сопротивления: «Должны ли мы предоставить пациенту одному иметь дело с сопротивлениями, на которые мы ему указали? Не можем ли мы оказать ему в этом какую-нибудь другую помощь, кроме тех стимулов, которые он получает из переноса?» К этим вопросам легко можно добавить другие, но необходимости это делать нет, так как она исключена следующим вопросом самого Фрейда: «Не кажется ли естественным то, что нам следовало бы помочь ему также и другим образом, помещая его в психологическую ситуацию, наиболее благоприятную для разрешения конфликта, что и является нашей целью?» С точки зрения стандартной техники уже не нужно больше думать о структурировании аналитической ситуации. Утверждается, что при следовании установленным правилам будут созданы оптимальные условия для распознавания бессознательных компонентов конфликта. В этом случае пациентам, которые в первую очередь подходят для анализа, была бы излишней дополнительная помощь посредством гибкого структурирования аналитической ситуации, так как внешние рамки — частота встреч, использование кушетки и т.д. — уже так убедительно доказали свою целесообразность, что критический пересмотр излишен. Однако фактически искусство психоаналитического толкования, суть техники зависят от многих факторов, отрицание которых ограничило бы как теоретическую силу, так и терапевтическую эффективность психоаналитического метода.

Всегда, когда делается попытка адаптировать метод к обстоятельствам отдельных пациентов или групп типичных пациентов, нужно стремиться к вариантам психоаналитического метода, рекомендованным Фрейдом. В то время как показания для стандартной техники становились все более узкими и подыскивались пациенты, которые подходили бы к этому методу, гибкое применение метода вело к модификациям, допускающим широко распространенное применение психоаналитической терапии. Стандартная техника требует *избирательного* подхода к показаниям: пациент должен приспособиться к методу. Модифициро-

30 Психоанализ. Современное состояние

ванные техники допускают *адаптивный* набор показаний (Baumann, 1981) — в этом случае лечение меняется, чтобы соответствовать пациенту. Это снова позволяет понимать терапию широко, что послужит на пользу пациентам всех возрастов и любого социального происхождения с большим спектром психических и психосоматических заболеваний. Рост продолжительности жизни также привел к ослаблению ограничений при использовании психоанализа для пациентов не старше среднего возраста; это ограничение было рекомендовано Фрейдом, но поставлено под вопрос Абрахамом уже в 1920 году. Применение адаптивного показателя при использовании психоаналитического метода применительно к людям старшего возраста шло рука об руку с расширением психоаналитической теории: типичные кризисы и конфликты каждой фазы жизни — отрочества, зрелости, среднего возраста и старости наряду с ранним детством — приобрели должное значение для понимания патогенеза психических и психосоматических заболеваний (Erikson, 1959; Greenspan, Pollock, 1980a,b, 1981; Lidz, 1968). Адаптивное показание предполагает модификацию психоаналитической техники особенно для пожилых пациентов (Steury, Blank, 1981; Radebold, 1982). Есть страны, где осуществились надежды Фрейда на то, что пациенты всех слоев общества станут пользоваться преимуществами психоаналитического лечения (Strotzka, 1969a,b, 1980), о чем мы подробнее расскажем в разделе 6.6.

Классические научные теории — это не античные памятники, и их не следует охранять сходным образом. Валенштейн (Valenstein, 1979) не смог найти убедительного определения «классическому» психоанализу и продемонстрировал с помощью значений, приводимых для слова «классический» в словаре Вебстера, почему это так в данном случае. Согласно одному из определений этого словаря, содержательная и признанная теория, метод или свод представлений могут быть в целом описаны как «классические», если новые разработки или фундаментальные изменения во взглядах сузили область их валидности. Второе определение тоже поучительно. Каждая форма, или система, ретроспективно обозначается термином «классическая», если, по сравнению с последующими модификациями или более радикальными ответвлениями, она продолжает заслуживать доверия и валидна сверх определенного периода времени. Это определение интересно, если учесть тот факт, что сам Фрейд говорил о классическом методе только в контексте толкования сновидений — в ретроспективе и совершенно случайным образом — и тоже упоминал модификации. Кроме классического метода, заключающегося в том, чтобы просить сновидца интерпретировать отдельные части сновидения, открыты другие разнооб-

Наша позиция 31

разные возможности (Freud, 1933a, p. 11). Например, мы можем «направить сновидца сначала осмотреть «дневные остатки» в сновидении... если мы последуем за этими построениями, мы часто можем внезапно прийти к перемещению из относительно далекого мира сновидения в реальную жизнь пациента». Более того, термин «классическая техника лечения» изначально принадлежит не Фрейду, он впервые был употреблен, когда были введены модификации. Ференци оказался весьма изобретателен в наименовании классических техник. Задетый реакцией прославленных аналитиков, включая Фрейда, на его нововведения, в которых из терапевтических соображений рангом выше ставилось переживание, а не воспоминание, он написал в одном из писем, что с раскаянием возвращается к «нашей классической технике» (Thomä, 1983a). Так родился термин, который в начале 1920-х годов использовался как определение для терапевтически неудовлетворительного предпочтения, отдаваемого воспоминаниям и интеллектуальным реконструкциям (Ferenczi, Rank, 1924). Какие бы формы ни принимала классическая техника в последующие десятилетия, она оставалась верна своему происхождению: она процветает, противопоставляясь отклонениям, которые не удовлетворяют эмпирической проверке своих процедур с использованием хорошо известных критериев. Обычно восхищение, адресуемое всему, что определяется термином «классический», является препятствием для исследования той роли, которую играют классические и новые стилевые элементы в длительном процессе развития техники лечения. *Неоклассический* стиль характеризуется не столько нововведениями, сколько особенно ортодоксальной приверженностью внешне определенным правилам (Stone, 1981a).

Существуют значительные расхождения между классическими работами Фрейда и их применением любого рода. Эти расхождения характеризуются проблемами в отношениях между теорией и практикой, которые мы рассматриваем в десятой главе. Опасность того, что практическое применение техники не сможет выразить основные идеи Фрейда или даже будет противоречить их развитию, особенно велика в том случае, если правилам следуют ради них самих и если их действие постоянно не проверяется. Именно поэтому мы различаем термины «классический», «неоклассический», «ортодоксальный» и т.д. Поскольку Фрейд не считал необходимым наклеивать ярлык на отдельный образ действий, назвав его классическим методом толкования сновидений, мы в дальнейшем будем говорить о классической технике вообще, довольствуясь концентрацией внимания на стандартах в применении правил.

Хотя классические работы Фрейда всегда в той или иной форме присутствуют в представлениях каждого аналитика, их

нельзя использовать в терапии таким образом, чтобы говорить об *именно* классической технике. Однако совершенно необходимо следовать правилам и стандартизировать их. Правила лечения восходят к рекомендациям и советам Фрейда, касающимся техники, и интегрируются в *стандартные техники*. Терапевтические и теоретические соображения неизбежно приводят к *вариантам и модификациям* системы правил либо в интересах пациентов с определенными нарушениями (истерией, фобией, неврозом навязчивых состояний, некоторыми психосоматическими состояниями и т.д.), либо для случая отдельного анализируемого индивида. С другой стороны, в *ортодоксальной* технике не ставится под вопрос целесообразность этих правил, и пациенты отбираются как подходящие для анализа на основании их способности строго следовать правилам. На другом конце спектра находится *дикий* психоанализ, который начинается с недостаточно обоснованных отклонений от сравнительно надежных стандартов и заканчивается самыми дикими заблуждениями и путаницей (Freud, 1910k). И все же, несмотря на эти антитерапевтические отклонения, «дикий» психоанализ сегодня достоин отдельного рассмотрения (Schafer, 1985).

Возрастающее количество публикаций, касающихся практики Фрейда (Beigler, 1975; Cremerius, 1981b; Kanzer, Glenn, 1980), облегчает критическую переоценку истории психоаналитической техники лечения. Однако нельзя найти решение современных проблем в наивной идентификации с естественным и человеческим поведением Фрейда, который, когда это было необходимо, кормил пациентов, давал им деньги — займы или безвозвратно. Развитие теории переноса стимулировало аналитиков уделить особое внимание различным аспектам аналитических отношений и их интерпретации. С нашей точки зрения, сегодня более, чем когда-либо, мы обязаны руководствоваться требованием, которое выразил Фрейд в послесловии к «Вопросу о любительском анализе» (1927a, p. 257), где он подчеркнул, что все случаи практического применения должны опираться на психологические концепции и ориентироваться на научный психоанализ. Само собой разумеется, что таким же образом следует рассматривать все исследовательские находки в этой области, но используя другие методы. Научный психоанализ особенно в своем нетерапевтическом применении зависит от междисциплинарного сотрудничества (Wehler, 1971, 1972).

Лечащий аналитик не может игнорировать и современные методы исследования процесса и результатов психотерапии. Главный вопрос состоит в том, что отличает и характеризует научный психоанализ. Будучи авторами книги о психоаналитической терапии, мы можем оставить ученым соответствующих областей решать, какие случаи практического применения психо-

аналитического метода по отношению к религиозной или культурной истории, мифологии и литературе удовлетворяют критериям научного психоанализа и соответствующей дисциплины. В терапевтическом применении психоаналитического метода на вопрос о том, что составляет научный психоанализ, можно ответить ссылкой на те три фундаментальных тезиса Фрейда, которые сформулированы в отрывках, процитированных в начале этой главы. Чем строже заложенные правила и чем меньше изучается их влияние на терапию, тем больше опасность создания ортодоксии. Очевидно, что ортодоксия не может быть согласована с научным подходом. По этим причинам мы просто говорим о «психоаналитической технике» или, для краткости, об «аналитической технике». Однако мы никогда не забываем правила, которые стандартизировались годами. Прагматическое и научное действие всегда направляется правилом. Поскольку в правилах заложено, «как продуцировать нечто» (Habermas, 1981, v. 2, p. 31), надо постоянно иметь в виду, что они влияют на психоаналитические явления и их возникновение в психоаналитическом процессе. Если бы не было опасности того, что классический психоаналитический метод будет

приравнен к нескольким внешним правилам, мы бы не сомневаясь употребляли термин «классическая техника», ибо и на наш слух «классический» звучит лучше, чем «стандартный». Из наших тяжеловесных комментариев должно быть достаточно ясно, что это не такое простое дело — сохранять интеллектуальную традицию в технике лечения и продолжать ее в самокритичной манере. Если оценивать терапевтическое действие с той точки зрения, каким образом что-либо производится, то ответственность ложится на того, кто так или иначе правила применяет. Фрейд лишь высказывал рекомендации и давал советы.

1.2 Вклад психоаналитика

Лейтмотивом нашей книги является убеждение в том, что в центре внимания должен оказаться *вклад психоаналитика в психоаналитический процесс*. Именно с этой точки зрения мы систематически исследуем всё: «отыгрывание вовне» (acting out), регрессию, перенос, сопротивление. Аналитик влияет на каждое явление, ощущаемое или наблюдаемое в аналитической ситуации.

Курс терапии зависит от влияния, оказываемого аналитиком. Естественно, существуют также и другие факторы, как, например, те, что определяют течение и тип заболевания, обстоятельства, которые привели к его возникновению, и события «здесь-и-теперь», которые постоянно ускоряют и усиливают его. Забо-

34 Психоанализ. Современное состояние

левания, психические по своему происхождению, усугубляются при таких условиях, и именно здесь у аналитика есть возможность оказать терапевтическое воздействие, используя новый опыт, вызывающий изменения. Аналитик в равной степени затронут лично диадическим процессом и вовлечен в него профессионально, а потому представляется естественным говорить о терапевтически эффективном взаимодействии. Нужна модель взаимодействия, понимаемая на основе *психологии трех персон*, чтобы всеобъемлюще описать терапевтический процесс (Rickman, 1957; Balint, 1968).

При рассмотрении эдиповых конфликтов на основе общей психологической теории человеческих отношений так или иначе, даже не всегда явно, обнаруживается наличие третьего участника. Это латентное присутствие последнего отличает аналитическую ситуацию от всех других отношений двух лиц. Последствия вынесения за скобки третьего участника для теории и практики психоанализа еще никогда, хотя бы в приближении, адекватно не рассматривались. Непривычная депривация в аналитической ситуации может не только стимулировать фантазии, но также очень сильно влиять на их содержание; по этой причине при сравнении аналитических теорий надо всегда учитывать соответствующую технику лечения. Каким образом третий участник (отец, мать или партнер) появляется в диаде, которую можно более точно назвать «триада минус один», и каким образом реорганизуется (или не организуется) диада в триаду — по сути, это зависит от аналитика. В дополнение к неизбежным конфликтам партнерства в курсе лечения некоторые конфликты определяются проблемами, специфическими для триады минус один (см. гл. 6).

Чтобы прийти к истинному пониманию того, что происходит в терапевтическом процессе, мы должны изучить поведение аналитика и *его вклад в создание и поддержание* терапевтической ситуации. Это программное требование, выставленное Балинтом в 1950 году, еще не удовлетворено, а если согласиться с Моделлом (Modell, 1984), то вообще забыто. В большинстве отчетов о терапии, по крайней мере, роль аналитика — что он подумал и сделал, что лежало за его выбором толкования — не описана адекватно. Поэтому с нашей стороны это вовсе не признак преувеличенных терапевтических амбиций, когда, соглашаясь

с Фрейдом, мы утверждаем, что задача аналитика — структурировать терапевтическую ситуацию таким образом, чтобы у пациента были как можно лучшие условия для решения своих проблем, чтобы он мог узнавать их бессознательные корни, тем самым, освобождаясь от своих симптомов. Мы, следовательно, признаем, что аналитик должен оказывать глубокое влияние. Свобода пациента не ограничивается, она скорее расширяется,

Вклад психоаналитика 35

благодаря тому, что его стимулируют принимать участие в критическом обсуждении.

Каждое правило следует рассматривать с точки зрения того, помогает ли оно или, наоборот, препятствует самопознанию и *решению проблем*, и аналитику не следует избегать соответствующих модификаций. Тогда становится ясно, что мы не рассматриваем теорию и правила психоаналитической техники как священное писание. Напротив, влияние правил на терапию должно быть обосновано в *каждом* случае. Мы предпочитаем проблемно ориентированный подход, который очень далек от предписывающего стиля поваренной книги. Например, аналитик больше не может «прописать» фундаментальное правило, веря в то, что тогда *свободные ассоциации* просто начнутся сами по себе, без влияния других факторов. Все усилия по стандартизации могут иметь, в дополнение к желаемым эффектам, непредвиденные побочные эффекты, положительные или отрицательные, которые могут способствовать или препятствовать терапевтическому процессу.

В своей диагностической и терапевтической деятельности аналитик ориентируется на психоаналитическую теорию как на *систематизированную психо(пато)логию конфликта*. Крис (Kris, 1975 [1974], p. 6) охарактеризовал психоанализ как изучение «человеческого поведения с точки зрения конфликта». Бинсвангер (Binswanger, 1955 [1920]) уже рассматривал это как психоаналитическую парадигму в истории науки, которая воплощена в обманчиво простых словах Фрейда: «Мы стремимся не просто к описанию и классификации явлений, но к пониманию их как знаков взаимодействия душевных сил» (1916/17, p. 67). О всеобщей значимости психоаналитической теории свидетельствует тот факт, что она рассматривает человеческую жизнь в развитии с ее первого дня с точки зрения влияния конфликта на личное благополучие субъекта и его взаимодействие с другими. Однако если конфликты и их роль в происхождении психических или психосоматических заболеваний определять как полностью *интрапсихические*, а не межличностные, то ограничивается диапазон теории и связанных с ней техник лечения.

Несмотря на предостережение Хартманна (Hartmann, 1950) против редукционистских теорий, история психоаналитической техники характеризуется односторонностью, и различные школы психоанализа сами являются этому ясным свидетельством. Хартманн говорит о «генетическом заблуждении», если «действительная функция приравнивается к ее истории или даже сводится к ее генетическим предшественникам, как если бы генетическая непрерывность была несовместима с изменением функции» (1955, p. 221). Однако сторонники редукционистских те-

36 Психоанализ. Современное состояние

орий не только «очень любят избирать одну порцию истины [и] помещать ее на место целого», но имеют еще и тенденцию усматривать всю истину в этой части и оспаривать остальное, «которое не менее истинно» (Freud, 1916/17, p. 346). В этом отрывке Фрейд рассматривает причинность неврозов и приходит к гипотезе «дополнительных рядов» (Ergänzungsreihen), в основе которых лежит психический конфликт. Редукционистские теории надо критиковать не только на основании их неполноты и односторонности, но также, и прежде всего, потому, что они выдают предварительные гипотезы за уже доказанные. Точно такой же критике должно быть подвержено утверждение, что психоаналитическая теория

представляет всю истину и гарантирована от односторонности. Тезис Фрейда о неразрывной связи делает необходимым применение научных критериев к сложной ситуации, неизбежно превращающей требование истины в нечто относительное и делающей одно предположение более похожим на правду, чем другое, или даже заставляющей их опровергать друг друга. То, что целое больше, чем сумма его составляющих, тоже является истинным для дополнительных рядов. Они прямо показывают изучающему всю сложность генезиса конфликтов. Можно привести два примера: Балинт критиковал одностороннюю интрапсихическую модель конфликта и утверждение, что интерпретация является единственным инструментом в терапии, а Я-психология Кохута корнями уходит в его неудовлетворенность неоклассической техникой и ее теоретической основой — интрапсихическими эдиповыми конфликтами.

Образование школ внутри психоанализа всегда является результатом разочарований, и на новые школы возлагаются большие надежды, пока они неизбежно не приходят вновь к односторонности. Мы подчеркиваем решающее значение вклада аналитика в терапевтический процесс с целью содействовать сдерживанию развития школ посредством стимулирования критического подхода к теории и практике. Мы исходим из общей теории конфликта Фрейда, а не как, например, Бреннер (Brenner, 1979b) — из составных частей интрапсихических конфликтов отдельных групп пациентов. Подобная ограниченность вызвала противодействие, наиболее свежим примером которого является Я-психология Кохута. Сужение обширной модели конфликта в психоаналитической теории соответствовало отрицанию сторонности отношений на практике. Если общая психоаналитическая теория конфликта будет восстановлена в полном объеме, она без труда может вобрать в себя описания дефектов Эго или дефектов Я, как это показано Валлерстейном (Wallerstein, 1983), Моделлом (Modell, 1984) и Треурнитом (Treurniet, 1983). Естественно, мы не можем ограничиться этим общим утверждением; если бы мы это сделали, то было бы вполне уме-

Вклад психоаналитика 37

стно утверждение Голдберга о том, что «если все является конфликтом, то конфликт — это ничто» (Goldberg, 1981, p. 632). Однако психоаналитическая теория конфликта никогда не ограничивалась общими местами независимо от степени охвата ею патогенеза.

Структурная теория психоанализа придавала большое значение эдипову конфликту и его роли в генезисе неврозов. Эта теория ни в коем случае не ведет к тому, что внимание уделяется только интра- или интерпсихическим конфликтам внутри и между Сверх-Я, идеалом Я, Я и Оно. Как мы подробнее покажем при обсуждении отношения различных форм сопротивления к механизмам защиты (см. гл. 4), образование структуры основано на объектных отношениях. В своих работах по структурной теории и психологии Я Фрейд описывал последствия интернализации объектных отношений, то есть процессов идентификации с обоими родителями в эдиповой фазе в качестве модели для других идентификаций — как в доэдиповой фазе, так и в подростковом периоде. Следует обратить внимание на фундаментальное утверждение Фрейда, что идентификация представляет собой самую раннюю форму эмоциональной связи (1921c, p. 107).

За последние десятилетия Джакобсон (Jacobson, 1964) в рамках структурной теории дала особенно ясное описание идентификаций в процессе развития Эго и Я для доэдиповой фазы, а Эриксон (Erikson, 1959) — для подросткового периода. Приверженцы психоаналитической школы эгопсихологии описали идентификации в рамках эдиповых и доэдиповых объектных отношений; однако это описание не прибавило структурной теории психоаналитической содержательности. Напротив, психоаналитическая техника стала еще больше ограничиваться моделью интрапсихического конфликта и стандартной техникой психологии одной личности. Дело в том, что как объектные отношения, так и отношения, возникающие в результате идентификации, основаны, как и вся структурная теория, на экономическом

принципе разрядки инстинкта. Этот «принцип константности», заимствованный Фрейдом у Фехнера, является основанием психоаналитической теории и оказывает влияние на все остальное. «Нервная система представляет собой аппарат, функция которого — избавляться от достигающих его стимулов или ослаблять их до как можно более низкого уровня и который, если бы это было осуществимо, поддерживал бы себя полностью в состоянии отсутствия стимулов» (Freud, 1915с, р. 120). Однако, по нашему мнению, Моделл был прав, делая следующее утверждение в предваряющем замечании к своему эссе «Эго и Ид: пятьдесят лет спустя»:

38 Психоанализ. Современное состояние

Объектные отношения не относятся к явлениям разрядки. Понимание Фрейдом инстинкта как чего-то идущего изнутри организма не соответствует тому наблюдению, что формирование объектных отношений — это процесс заботы, в котором участвуют два человека (процесс, который не включает в себя спадов и пиков разрядки). Далее сама концепция инстинкта не получила необходимой поддержки у современной биологии... Я думаю, как и Боулби, что существует аналогия объектным отношениям в выражении привязанности у других видов (Modell, 1984, р. 199—200).

Общая психоаналитическая психопатология конфликта может сегодня перейти к положению о том, что не существует нарушений объектных отношений, независимых от нарушений самоощущения.

Хорошо бы дополнить объясняющую психоаналитическую теорию, посредством которой была систематизирована психопатология конфликта, *систематическим подходом к решению проблем*, то есть теорией терапии. Объектом терапии является овладение конфликтами при условиях более благоприятных, чем те, которые способствовали рождению данных конфликтов. (Мы выбрали эту метафору, чтобы показать межличностную природу того, что определяет патогенез.) Поэтому неудивительно, что развитие систематического подхода к решению проблем, где аналитик вносит значительный вклад на основании своего «знания об изменениях» (change knowledge) (Kaminski, 1970), плелось позади объясняющей теории психоанализа. Правдоподобная модель терапии (ср.: Sampson, Weiss, 1983), которая подчеркивает овладение «здесь-и-теперь» старыми травмами, сохраняющими свою психодинамическую эффективность, появилась нескоро. И это несмотря на то, что Уэлдер уже создал условия, благоприятные для такой модели, в своей статье о принципе множественной функции (Waelder, 1936), где он поднял решение проблем до статуса общей функции Эго: «Эго всегда сталкивается с проблемами и пытается найти им разрешение» (р. 46). Соответственно, процессы внутри Эго можно представить как попытки решения проблем; Эго индивида характеризуется рядом специфических методов решения (р. 46—47). Одновременно Уэлдер привлек внимание к проблемам, которые связаны с искусством психоаналитического интерпретирования, и был, возможно, первым, кто заговорил о *психоаналитической герменевтике*.

На основании уже сказанного наше понимание терапии можно обрисовать следующим образом: развитие и структурирование переноса, которому способствуют интерпретации, происходят в рамках особых терапевтических *отношений* (рабочего альянса). У пациента повышен уровень чувствительности; в результате раннего опыта и на основании своих бессознательных ожиданий он изначально особое внимание обращает на все, что благоприятствует повторению и создает *перцептивную иден-*

тичность (Wahrnehmungsidentität) (Freud, 1900a). Новые переживания пациента в аналитической ситуации позволяют ему достичь решения тех проблем, которые прежде были

совершенно неразрешимыми. Аналитик помогает пациенту познать себя и преодолеть бессознательное сопротивление тем, что дает интерпретации; в этом процессе пациент может спонтанно достичь удивительных инсайтов. Поскольку психоаналитические толкования — это идеи, рождающиеся у аналитика, они также могут быть описаны как способы видения вещей, как мнения. В качестве инсайтов они могут иметь долговременный терапевтический эффект, если они удовлетворяют критической оценке пациента или в целом соответствуют его «ожиданиям», его внутренней реальности. Затем эти инсайты становятся частью опыта и меняют его в ходе проработки, которая продолжается в повседневной жизни пациента. Пациент воспринимает изменения субъективно, но они также могут быть видны по изменениям в его поведении и по исчезновению симптомов.

Такая концепция терапии предполагает, что о ценности психоаналитического метода следует судить по изменениям в результате терапии. И все же, хотя целью могут быть структурные изменения, ее достижению могут помешать неблагоприятные условия того или иного рода. Но ни при каких условиях аналитик не может избежать ответа на следующие вопросы:

1. Как рассматривает аналитик связь между предполагаемой структурой (в качестве теоретического предположения) и симптомами пациента?
2. Какие внутренние (переживаемые пациентом) и какие внешние изменения указывают на структурные изменения и какие именно?
3. В свете ответов на оба эти вопроса можно ли обосновать избранный способ терапии?

Мы согласны с Бреннером в том, что «симптоматическое улучшение является необходимым критерием, хотя сам по себе он недостаточен с точки зрения валидности интерпретации и предположений (предположения), на которых она основана» (Brenner, 1976, p. 58).

Интерпретация — характерная черта психоаналитической техники — является частью сложной сети отношений. Как и правила лечения, она не имеет ценности сама по себе. Психическая реальность аналитика, его контрперенос и его теория становятся частью психоаналитической ситуации. Психоанализ, так же как и другие практические дисциплины, отличается способностью исходить из общего знания в подходе к индивидуальному случаю, и наоборот.

Необходимость в должной мере соответствовать уникальности каждого пациента делает практическое применение психо-

40 Психоанализ. Современное состояние

анализа мастерством, *techne*, ремеслом, которому надо учиться, чтобы быть способным практиковать в соответствии с правилами, которые, однако, могут служить только общими рекомендациями. Несмотря на современные коннотации слова «технология», мы не боимся употреблять термин «психоаналитическая технология», как его употребил Уиздом (Wisdom, 1956), философ с психоаналитическим образованием. Одно дело — бездушная техника и отчуждение, а другое — психоаналитическое мастерство, находящееся на совершенно другом уровне *techne*. Психоаналитики не являются ни «психотехнарями», ни «аналитиками» в том смысле, что они разбирают психику на части, а синтез (исцеление) пускают на самотек. Мы не боимся, что наше отношение к терапии неправильно поймут, если мы будем использовать слово «технология», потому что аналитики, делая свои интерпретации, следуют технологическим принципам в своих искусных поисках, в своей эвристике и т.д. — непосредственно до переживания «ага!» пациентом. Как *герменевтическая технология* психоаналитический метод находится в сложных отношениях с теорией (см. гл. 10).

Особенно релевантным для искусства психоаналитической интерпретации является знание телеологических и драматургических действий.

Телеологические действия можно расценивать с точки зрения эффективности. Правила действия

предполагают технически и стратегически полезное знание, которое можно критиковать с точки зрения требований истины и можно улучшить благодаря отношениям обратной связи с ростом эмпирическо-теоретического знания. Это знание накапливается в форме технологий и стратегий (Habermas, 1985, v. 1, p. 333).

При адаптации этих идей в форму, полезную для психоаналитической техники, очевидно, надо иметь в виду, что действия, ориентированные на цель, рассмотренные в философских теориях действия со времен Аристотеля (Bubner, 1976), не должны быть ограничены целевой рациональностью, как полагал Макс Вебер. Понимание нашей позиции будет в корне неправильным, если считать, что наш акцент на изменении как цели терапии предполагает, что цели фиксированы. Действительно, коммуникация в психоаналитической интерпретации не может быть бесцельной, но цели не фиксируются и формируются спонтанностью пациента, его свободными ассоциациями и его критическим изучением идей аналитика и их явных и латентных целей. В этом процессе новые способы и цели возникают как будто бы сами по себе, но на самом деле они определяются условиями, которые определяют различные формы психоаналитического процесса.

1.3 Кризис теории

В течение некоторого времени психоанализ находился на стадии «революции и почти анархии» (A. Freud, 1972a, p. 152). Почти все концепции, направляющие теорию и технику, подвергались нападениям с какой-либо стороны. А. Фрейд имела в виду, в частности, критику свободного ассоциирования, толкования сновидений (которое должно уступить свою ведущую роль толкованию переноса) и переноса, который уже больше понимается не как явление, спонтанно возникающее в поведении и мыслях пациента, но как явление, вызванное интерпретациями аналитика (1972a, p. 152). Между тем разногласия внутри психоанализа усиливались. Даже краеугольные камни психоаналитической практики — перенос и сопротивление — уже не занимали своих прежних позиций. По поводу этих существенных составляющих психоанализа Фрейд писал:

Таким образом, можно сказать, что теория психоанализа является попыткой объяснения двух потрясающих и неожиданных фактов наблюдения, которые возникают всегда, когда делается попытка проследить симптомы невротика до их происхождения в его прошлой жизни: фактов переноса и сопротивления. Любая линия исследования, которая признает эти два факта и относится к ним как к начальным точкам своей работы, имеет право называться психоанализом, даже если она придет к результатам, отличным от моих собственных (1914d, p. 16).

Очевидно, что теория и техника психоанализа испытают значительное потрясение, если сдвинется один из этих краеугольных камней или если психоаналитический метод должен будет опираться на многие различные краеугольные камни, чтобы удовлетворить требованиям, предъявляемым практическим опытом.

Если же посмотреть на признаки далеко идущих изменений с точки зрения истории науки, изложенной Куном (Kuhn, 1962), вполне можно объяснить тот факт, что психоанализ поздно вступил в свою фазу обычной науки, и найти аргументы в поддержку того взгляда, что идет процесс эволюции и надвигается изменение парадигмы (Spruiell, 1983; Rothstein, 1983; Ferguson, 1981; Thomä, 1983c). Сильно различающиеся мнения все-таки сближает их несомненная связь с работами Фрейда. Все же ясно, что аналитики могут признавать факты переноса и сопротивления, а также принимать другие основные положения психоанализа, такие, как бессознательные душевные процессы и роль сексуальности и эдипова комплекса (Freud, 1923a, p. 247), и, тем не менее, получать разные результаты при помощи

психоаналитического метода исследования и лечения. Это еще раз демонстрирует всю сложность отношений между психоаналитической техникой и психоаналитической теорией.

42 Психоанализ. Современное состояние

Ферменту нововведений, проявившемуся в идее «кризиса идентичности» (Gitelson, 1964; Joseph, Widlöcher, 1983), противостоит психоаналитическая ортодоксия. Как реакцию на радикальную критику изнутри и снаружи и как выражение заботы о сути психоанализа такую ортодоксию можно понять, но для решения конфликтов она подходит не более, чем некоторые невротические реакции. Фактически ригидность и анархия определяют и усиливают друг друга; именно поэтому А. Фрейд (1972а) упомянула и то и другое на одном дыхании.

Практика психоанализа — это не единственная сфера, которая характеризуется изменениями и нововведениями. «Спекулятивная суперструктура», как определил Фрейд (1925d, p. 32) ее метапсихологию, в последние десятилетия тоже пошатнулась. Многие авторы предвидят отказ от этой суперструктуры, воздвигнутой Фрейдом в попытке очертить психоанализ как науку, как вестник новой эры. Некоторые верят в то, что таким образом психоаналитическая интерпретация могла бы освободиться от приписываемого Фрейду «научного самозаблуждения» (Habermas, 1971) и вернуться на родную почву, к герменевтическим дисциплинам. Другие придерживаются того мнения, что отказ от метапсихологии мог бы наконец привести к полному признанию роли клинической теории психоанализа, в меньшей степени выводимой путем умозаключения, а потому служащей проверяемым руководством. Однако различные этажи, образующие здание психоаналитической теории, нельзя абсолютно отделить друг от друга. Балки, поддерживающие метапсихологию, проходят также и через нижние этажи; при этом некоторые можно лучше разглядеть, чем другие. Метапсихологические положения содержатся также в клинической теории, в меньшей степени выведенной умозаключениями, и влияют на психоаналитика, даже когда он считает, что слушает пациентов без малейшего следа предубеждения, то есть что его внимание равномерно распределено. «Даже на стадии описания невозможно избежать приложения определенных абстрактных идей к материалу, находящемуся под рукой, — идей, которые заимствованы откуда угодно, но только не из новых наблюдений» (Freud, 1915c, p. 117).

При повторном прорабатывании материала, полученного за один сеанс или в течение всего курса терапии, аналитик также рассматривает отношение своих идей к психоаналитической теории. Фрейд полагал, что эта задача неразрешима удовлетворительно до тех пор, пока психический процесс не описан динамически, топографически и экономически.

Мы видим, как нас постепенно подводят к принятию третьей точки зрения в нашем рассмотрении психических явлений. Кроме динамического и топографического взглядов, мы приняли экономический. Это связано

Кризис теории 43

с попытками следовать за превратностями большого количества возбуждений и прийти к каким-то, хотя бы и *относительным*, оценкам их величины.

Было бы небезосновательно дать особое название этому цельному способу рассмотрения нашего предмета изучения, потому что это — завершение психоаналитического исследования. Я предлагаю, что, когда нам удастся описать психический процесс в его динамическом, топографическом и экономическом аспектах, нам следует говорить об этом как о метапсихологическом представлении. Нужно сразу сказать, что при настоящем состоянии нашего знания существует только несколько

пунктов, в которых нам это удастся делать (Freud, 1915e, p. 132).

Чтобы показать клиническое значение этого подхода, Фрейд привел описание «процесса вытеснения в трех случаях невроза переноса, которые нам знакомы». Поскольку вытеснение — это «краеугольный камень, на котором покоится вся структура психоанализа» (1914d, p. 16), становится ясно, что для Фрейда метапсихологические объяснения имели фундаментальное значение. Его целью в разработке метапсихологии было «прояснить и углубить теоретические положения, на которых могла бы быть основана психоаналитическая система» (Freud, 1917d, p. 222). Согласно Лапланшу и Понталису:

Вместо того чтобы рассматривать как метапсихологические труды все теоретические изыскания, включающие концепции и гипотезы, присущие этим трем точкам зрения, следует применять это описание для текстов, которые более основательно развивают или разъясняют гипотезы, поддерживающие психоаналитическую психологию (Laplanche, Pontalis, 1973, p. 250).

В качестве «*строго* метапсихологических текстов» эти авторы рассматривали следующие работы Фрейда: «Проект научной психологии» (1950a), «Тезисы о двух принципах функционирования сознания» (1911b), «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g), «Я и Оно» (1923b), «Очерк психоанализа» (1940a). Таким образом, видно, что вплоть до последнего времени Фрейд искал основания психоаналитической теории в метапсихологических взглядах, в «динамическом, топографическом и экономическом аспектах» (1915e, p. 181). С другой стороны, психоаналитический метод оставался в сфере глубинной психологии. Благодаря систематическому использованию нового метода Фрейд сделал открытия, которые позволили ему исследовать влияние бессознательных психических процессов на судьбу индивида и на патогенез.

Аналитический метод и язык психоаналитической теории находятся на разных уровнях. Фрейд все еще пытался объяснить психический аппарат в терминах экономии влечений в посмертно опубликованном «Очерке о психоанализе», хотя в то же время он подчеркивал, что то, что лежит между «двумя конечными точками нашего знания» — между процессами, происхо-

44 Психоанализ. Современное состояние

дящими в мозгу и в нервной системе, и действиями нашего сознания, — нам неизвестно. Расширение познаний об этом отношении «в лучшем случае позволило бы точно локализовать процессы сознания, но не оказало бы нам *никакой помощи в их понимании*» (1940a, p. 144; курсив наш). У Фрейда были различные идеи о психических связях. В поисках физических, биологических, церебральных и нейрофизиологических объяснений человеческого поведения с помощью понятия инстинкта и теории инстинкта он оставался верен своей первой любви (Sulloway, 1979); однако объясняющая модель глубинной психологии ориентирована на смысловой контекст, исследование которого приводит к анализу мотивации, в свою очередь ведущей к бессознательным источникам и причинам. Если указаны эти источники и причины, понимание смыслового контекста расширяется до такой степени, что объяснения, имеющие смысл, могут даваться явлениям, которые прежде казались бессмысленными, — даже галлюцинаторным переживаниям и действиям. Ясперс (Jaspers, 1963) использовал выражение «якобы понимание» для описания этого гибрида объяснения и понимания, который также характеризует повседневное использование этих слов. Это «якобы понимание» было введено (в качестве более высокого уровня клинических гипотез) в дискуссию по психоаналитической теории в США Рубинштейном (Rubinstein, 1967). Таким образом, в психоаналитическом методе объяснение, имеющее два корня, находится в сложных отношениях с пониманием. Мы рассматриваем «якобы» как знак отличия, положительный признак.

Разнообразные идеи Фрейда о психических связях, являющиеся источником

противоречий и несоответствий, пропитавших его работы, и подготовили кризис психоаналитической теории в настоящее время. С помощью психоаналитического метода он пришел к теоретическим представлениям, которые попытался описать в метапсихологических терминах, стремясь в конечном итоге проследить их начало в биологических процессах, одновременно развивая теорию глубинной психологии, которая оставалась верной методу, то есть покоилась на опыте, извлеченном из психоаналитической ситуации, и не заимствовала свои представления из биологии и физики на рубеже веков. Во время того же самого периода, когда Фрейд дал метапсихологическое объяснение вытеснению со ссылкой на катексис энергии, он писал в работе «Бессознательное»:

Во всяком случае ясно, что существует угроза сведения к словесному диспуту вопроса о том, следует ли рассматривать латентные состояния душевной жизни, существование которых нельзя отрицать, как сознательные душевные состояния или как физические. Поэтому лучше сконцентрировать свое внимание на том, что нам наверняка известно о природе

Кризис теории 45

этих спорных состояний. Что касается их *физических* характеристик, они нам совершенно недоступны: никакая *физиологическая* концепция или химический процесс не может дать нам никакого понимания их природы. С другой стороны, нам точно известно, что у них есть многочисленные точки соприкосновения с сознательными *душевыми* процессами: с помощью определенной работы их можно превратить в такие процессы или заместить ими. К ним можно применить категории, которые мы используем при описании сознательных душевных актов, таких как представления, цели, решения и т.д. В самом деле, о некоторых из этих латентных состояний нам придется сказать, что единственное, чем они отличаются от сознательных, — это именно отсутствие осознания. Таким образом, мы без колебаний можем рассматривать их как объекты *психологического* исследования и работать с ними в более тесной связи с сознательными душевными актами.

Упорное отрицание *психического* характера латентных душевных актов объясняется тем обстоятельством, что большая часть этих явлений не была объектом исследования вне психоанализа. Тому, кто не знает о патологических фактах, считает ошибки в поведении нормальных людей случайными и удовлетворяется старым мудрым отношением к сновидениям как к вздору, остается только игнорировать еще несколько проблем психологии сознания, чтобы избавить себя от какой бы то ни было необходимости допущения бессознательной душевной деятельности. Время от времени, даже до времен психоанализа, гипнотические эксперименты, и особенно постгипнотическое внушение, ощутимо демонстрировали существование и способы действия душевного бессознательного (1915e, p. 168—169; курсив наш).

Согласно «Лекциям по введению в психоанализ» (1916/17, p. 21), «психоанализ должен воздерживаться от любых гипотез, ему чуждых, независимо от их природы — анатомической, химической или физиологической — и должен пользоваться лишь чисто психологическими идеями». Именно в контексте этого широкоизвестного утверждения Фрейд писал, что психоанализ «пытается придать психиатрии то психологическое обоснование, которого ей не хватает», и «надеется обнаружить общую почву, на основе которой станет мыслимой конвергенция умственных и физических расстройств». Уже в «Проекте научной психологии» (1950a), написанной Фрейдом в 1895 году, преобладала, хотя и в неявной форме, идея развития научной психологии, то есть описания психических процессов как количественно определяемых состояний материальных компонентов. Фрейд не терял надежды, что метапсихологическая структура психоанализа, то есть его суперструктура, когда-нибудь «будет воздвигнута на его органическом фундаменте» (1916/17, p. 389).

Вспомогательные концепции глубинной психологии касаются в основном

бессознательных психических процессов. Вместе с обоснованной Фрейдом психологией и психопатологией конфликта они дают основу для понимания совпадений соматических и психических нарушений. В последнее десятилетие психоанализ вообрал в себя и другие идеи из психологии развития и когнитивной психологии. Кроме того, одним из следствий дискус-

46 Психоанализ. Современное состояние

сии о теориях науки был сдвиг интереса исследователей к психоаналитическому методу и наблюдаемым психическим явлениям, с ним связанным. Эти работы повлекли за собой общий кризис всей теоретической структуры психоанализа. Задача наших современников — обновить психоаналитическую теорию, существовавшую раньше в форме метапсихологии и потому основанную на зыбкой почве, содержательно и методологически ему чуждой.

Не случайно, что кризис метапсихологии, пронизывающий клиническую теорию, стал явным в ходе систематической подготовки исследований для проверки гипотез. При клинической или экспериментальной проверке теорий нельзя начинать с метапсихологических измышлений, которые состоят из беспорядочной смеси идеологических постулатов, выведенных из натурфилософии, метких метафорических высказываний о человечестве и ярких наблюдений и теорий по поводу происхождения душевных болезней. Важнейший вклад в процесс прояснения, в частности, сделал Рапапорт (Rapaport, 1967), систематизировавший психоаналитическую теорию и попытавшийся научно обосновать ее практический смысл. Его энциклопедические знания отражены в книге «Структура психоаналитической теории» (1960), где он тщательно проработал существующую систему метапсихологических положений таким образом, что их слабость стала очевидной. Сам он упоминает об этом почти мимоходом, обсуждая шансы (низкие, по его мнению) на выживание некоторых концепций, ключевых для всей системы (Rapaport, 1960, p. 124). Рапапорт и Гилл (Rapaport, Gill, 1959) расширили метапсихологию, включив генетическую и адаптивную точки зрения, которые подразумевались уже в работах Фрейда и были тщательно разработаны Хартманном с соавторами (Hartmann et al., 1949) и Эриксоном (Erikson, 1959). Ясно, что генетический подход, опирающийся на историю развития, так же как и адаптивный, содержит психосоциальные элементы, отстоящие достаточно далеко от биологических положений экономического принципа.

Когда после смерти Рапапорта его коллеги и ученики оглянулись назад и затем продолжили свою оригинальную научную работу, стало очевидно, что необходимы далеко идущие изменения для превращения метапсихологических концепций в теории, которые можно проверять. Поэтому Холт (Holt, 1967a), редактор посвященного Рапапорту сборника, предложил отказаться от энергетических концепций, подобных катексису и либидо, а также от объясняющих терминов «Я», «сверх-Я» и «Оно» (Gill, Klein, 1964). Ряд коллег Рапапорта, например Гилл, Клейн, Шафер и Спенс, являются наиболее строгими критиками метапсихологии. Было бы глупо интерпретировать их отклонения от по-

Кризис теории 47

зиции Рапапорта психоаналитически, как поступают некоторые их оппоненты. Такие аргументы *ad hominem*¹ препятствуют дальнейшему прояснению действительных причин того, почему работы Рапапорта ознаменовали новую эпоху. Плодом его попытки систематизации можно считать стимулирование клинических исследований в значительной степени благодаря усилиям уже упомянутых аналитиков его школы. Как теперь ясно, метапсихологические объяснения находились за рамками психоаналитического метода. С помощью этого метода нельзя продемонстрировать правильность метапсихологии, например

¹ Применительно к человеку (лат.).

то, как экономический принцип соотносится с процессами в центральной нервной системе, доступными только физиологическому исследованию. Влияние, которое метапсихологические соображения, тем не менее, оказывали на терапевтические действия на протяжении десятилетий, связано с тем, что многие концепции используются метафорически во всей клинической теории психоанализа. В связи с этим были предприняты попытки дифференцировать разнообразные уровни формирования теории с учетом их клинической и экспериментальной проверяемости.

В ответ на критику философов Уэлдер (Waelder, 1962) охарактеризовал различные уровни психоаналитической теории и концепций, которые с ними связаны, в очерке «Психоанализ, научный метод и философия» (1962).

- 1) *Индивидуальная клиническая интерпретация* (индивидуальное «историческое» толкование; Freud, 1916/17, p. 270). Это уровень наблюдения, то есть материал, собираемый аналитиком от своего пациента и обычно недоступный другим. Затем аналитик пытается интерпретировать индивидуальные данные с учетом их взаимосвязей и их отношений с другими паттернами поведения или с сознательным и бессознательным содержанием.
- 2) *Клиническое обобщение* (типичные симптомы, по Фрейду). На основании индивидуальных данных и их толкования аналитик делает обобщения, ведущие к специфическим утверждениям по отношению к группам пациентов, развитию симптомов и к возрастным группам.
- 3) *Клиническая теория*. Клинические интерпретации и обобщения позволяют формулировать теоретические концепции, которые и могут содержаться в интерпретациях или быть их результатом, например вытеснение, защита, повторное возвращение вытесненного материала и регрессия.
- 4) За рамками клинической теории психоанализа, однако не совсем четко от нее ограниченные, лежат такие абстрактные

48 Психоанализ. Современное состояние

понятия, как катексис, психическая энергия, эрос и танатос — психоаналитическая метапсихология. В метапсихологии и в стоящих за нею идеях можно особенно ясно видеть личную философию Фрейда (см.: Wisdom, 1970).

Эта схема демонстрирует иерархию психоаналитических теорий, разнообразных по своему эмпирическому содержанию, которые следует принимать в расчет при любой научной оценке.

Уэлдер полагает, что чем выше уровень абстракции, тем меньше соответствия с психоаналитической практикой. Если бы это было так и если бы клиническая теория могла существовать отдельно от метапсихологических положений и рассматриваться как независимая система, кризис теории был бы ясно очерчен. В действительности же не так просто определить, какие идеи относятся к спекулятивной суперструктуре, а какие необходимы для понимания наблюдений в данном контексте. Психоаналитический метод направлен, прежде всего, на познание бессознательных психических процессов — наблюдения над тем, как бессознательные и предсознательные желания и намерения выражаются в ошибочных действиях и симптомах — в возвращении вытесненного — к высшим и низшим этажам этого здания. Однако аналитик не смотрит вниз с верхнего этажа, а скорее принимает одну из метапсихологических точек зрения, которые расположил здесь Уэлдер, и ту же позицию занимает на низшем этаже. Топографический и структурный подходы, то есть разделение психического аппарата на бессознательное, предсознательное и сознательное — или на Оно, Я и Сверх-Я, — иллюстрируют существование лестниц, соединяющих эти этажи, по которым можно двигаться в обоих направлениях.

Описание Уэлдера было справедливо, с нашей точки зрения, пересмотрено Фэрреллом

(Farrell, 1981), который, характеризуя отношения между высшим и низшим уровнями теории, заметил, что психоаналитические концепции «в своем функционировании двулики, как Янус». Он так описал всегда двойственную функцию концепций на всех этажах: в своей повседневной работе аналитик использует концепции не для того, чтобы учесть детали психического аппарата, но, прежде всего, чтобы организовать материал, представленный ему пациентами. Здесь концепция функционирует на нижнем уровне. Но когда аналитика заботит теория, он использует такие концепции, как регрессия и вытеснение, чтобы уяснить, как работает психический аппарат пациента. Фэррелл пишет, что простая констатация связей относится к нижнему уровню. Например, утверждение, что человек, страдающий от фрустрации, имеет тенденцию регрессировать на более раннюю стадию развития. В качестве примера вытеснения

Кризис теории 49

Фэррелл упоминает обычное наблюдение взаимосвязи между сексуальными тревогами взрослых пациентов, их забытыми (вытесненными) переживаниями детства и возобновлением этих переживаний в терапии. Аналитик пользуется такими обобщениями, чтобы способствовать упорядочиванию информации (материала) пациента. Организованный материал объясняется в «слабом смысле» (поверхностно).

Но если аналитик озабочен тем, чтобы объяснить, почему и как вообще появился материал такого рода, он воспользуется понятиями регрессии и вытеснения, чтобы помочь себе определить и описать состояние дел в системе, к которой отсылают эти концепции. Тогда эти понятия начинают функционировать на верхнем уровне теории (Farrell, 1981, p. 38).

Следовательно, концепции уже на нижнем уровне подобны Янусу своим двуличием и отсылают к теории бессознательного. Однако, делая дескриптивные утверждения о *наблюдаемой последовательности* событий, аналитик может игнорировать саму идею связи, если он озабочен исключительно регистрацией фактов. Таким образом, несмотря на то, что само изучение ассоциаций предполагает представление о существовании связи между различными элементами, при сборе фактов изначально важно лишь точно отмечать последовательность отдельных ассоциаций. Следовательно, наблюдения в психоаналитической ситуации сначала должны регистрироваться описательно.

Поскольку для многих психоаналитиков метапсихология связана и с научным статусом психоанализа как объясняющей теории, и с требованием причинности в терапии, кризис затрагивает аналитика и как ученого, и как терапевта. Одним из способов избежать этой дилеммы является полное воздержание от объясняющих теорий и удовлетворение психоаналитическим интерпретированием, которое играет ведущую роль на практике. В немецкоязычных странах противопоставление «понимающих» (*verstehende*) гуманитарных и социальных наук объясняющим наукам восходит к Дильтею и Риккерту, а Хартманн (Hartmann, 1927) полагал, что вполне ясно доказал, что психоанализ является объясняющей наукой. Однако позднее эти дебаты возродились в англоязычном мире. Клаубер (Klauber, 1968) ссылаясь на английского историка Коллингвуда (Collingwood, 1946) как на одного из первых сторонников понимающего подхода; Хоум (Home, 1966) и Рикрофт (Rycroft, 1966) придерживались тех же позиций. Североамериканские аналитики быстро приняли идеи французского философа Рикёра, который рассматривал Фрейда как герменевтика. Термин «научное самозаблуждение» (*szientistischen Selbstmissverständnis*), введенный Хабермасом (Habermas, 1968), чтобы описать ошибку, жертвой которой стал Фрейд, стал притчей во языцех. Хабермас назвал так метапсихологические объ-

яснения, впрочем не оспаривая того, что психоаналитики нуждаются в объясняющей теории, так же как и в обобщениях, чтобы быть способными лечить пациентов глубинно, то есть предлагать интерпретацию.

В этой связи нам бы хотелось привести некоторые замечания о герменевтике, уже сделанные нами в одной из наших предыдущих публикаций (Thomä, Kächele, 1975, p. 51—52). Этот термин восходит к греческому слову *hermeneuo* («я объясняю свои мысли словами, расшифровываю, толкую, перевожу»). Часто ошибочно полагают, что существует этимологическая связь между герменевтикой и Гермесом, посланником (значит, толкователем) богов. Однако сходство между этими словами случайно: *hermeneuo* восходит к корню с приблизительным значением «говорить». Термин «герменевтика» был введен в начале XVII века для описания процедуры перевода текстов. Герменевтика очень бурно развивалась под влиянием толкования Библии. Например, принцип Шлейермахера (Schleiermacher, 1959 [1819], p. 86—87), заключающийся в том, что пониманию обычно предшествует неправильное понимание, демонстрирует спор между теологами и защитниками герменевтики. Следовательно, понимание оказывается эпистемологической проблемой: нам уже надо немного знать о вопросе, то есть иметь некоторое предпонимание, прежде чем мы можем этот вопрос изучать.

Герменевтический подход был наиболее ясно выражен в гуманитарных дисциплинах и в тех областях философии, которые связаны с интерпретацией текстов, где фундаментальным вопросом является вопрос смысла, то есть значения, изучаемого текста. Существует прямая связь, прослеживаемая от филологической, теологической и исторической герменевтики к понимающей психологии. Последнюю связывает с гуманитарными дисциплинами требование вчувствоваться и вдуматься в текст или в ситуацию другого человека. Способность реконструировать опыт другого является одной из предпосылок, из которой надо исходить, если проводится психоаналитическое лечение. Интроспекция и эмпатия необходимо дополняют технические правила свободного ассоциирования и равномерно распределенного внимания. Высказывание: «Любое понимание — это уже идентификация себя с объектом, согласование компонентов, вне этого понимания существующих отдельно; то, чего я не понимаю, остается чуждым мне и отличным от меня» — могло бы принадлежать психоаналитику, интересующемуся эмпатией (например: Greenson, 1960; Kohut, 1959), но на самом деле оно взято из Гегеля (Apel, 1955, p. 170). Кохут (Kohut, 1959, p. 464) подчеркивает, что Фрейд использовал интроспекцию и эмпатию как научные инструменты для систематического наблюде-

Кризис теории 51

ния и исследования. Гадамер пишет, что интерпретация начинается

там, где смысл текста не может быть немедленно понят. Интерпретировать приходится во всех случаях, когда нельзя доверять непосредственному проявлению феноменов. Поэтому психолог не принимает утверждения пациента о своей жизни за чистую монету, но задается вопросом о том, что происходит в бессознательном пациента. Таким же образом историк толкует записанные факты, чтобы раскрыть истинный смысл, который они выражают, но также и скрывают (Gadamer, 1965, p. 319).

По всей вероятности, Гадамер имеет в виду психолога, использующего на практике психоанализ; его описание характеризует психодинамический подход. Именно непонятное, кажущееся бессмысленным содержание психопатологических явлений психоаналитический метод прослеживает до их происхождения и делает понятным. Это более чем случайная частная проблема. Согласно Гадамеру, искаженные или зашифрованные тексты представляют собой одну из наиболее трудных герменевтических проблем. Возможно, что филологическая герменевтика сталкивается здесь с барьером, который невозможно преодолеть средствами просто понимающей психологии, то есть той формы психологии, где нет

объясняющей теории.

Возвращаясь к нашей основной линии рассуждений, заметим, что та или иная оценка кризиса теории и его распространения на различные этажи психоанализа неизбежно зависит от роли, которой наделяется метапсихология. Вызывающие названия статей создают впечатление запальчивого обсуждения. «Метапсихология — это не психология», — заявляет Гилл (Gill, 1976). «Две теории или одна?» — спрашивает Клейн (Klein, 1970), критикуя теорию либидо. «Метапсихология — кому она нужна?» — недоумевает Мейсснер (Meissner, 1981). Франк (Frank, 1979) обсуждает книги Клейна (Klein, 1976), Гилла и Хольцмана (Gill, Holzman, 1976), Шафера (Schafer, 1976) и, судя по заглавию его работы, почти смиряется: «Две теории или одна? Или никакая?» Моделл (Modell, 1981), отвечая на вопрос: «Существует ли еще метапсихология?», говорит: и да и нет — характерные метапсихологические взгляды обманчивы и, следовательно, от них надо отказаться. Согласно Моделлу, от традиционной метапсихологии остается лишь пустая идея. Наконец, Бреннер (Brenner, 1980) считает, что все неясные и запутанные вопросы могут быть прояснены толкованием соответствующих текстов Фрейда. Он утверждает, что метапсихологию надо приравнять к фрейдовской теории бессознательных процессов и ко всей глубинной психологии (р. 196).

Метапсихологические тексты Фрейда допускают самое различное прочтение, и в этих разнообразных толкованиях коренятся современные разногласия. Каждое серьезное психоанали-

52 Психоанализ. Современное состояние

тическое обсуждение и теперь начинается с толкования работ Фрейда, но дело не только в этом. Совершенно очевидно, что кризис теории влияет на психоаналитический метод, отражаясь на идеях, которые привносит в материал аналитик, на том, насколько они помогают пониманию и даже по возможности объяснению. Если говорить об открытиях, идеи Фрейда формировались на основе наблюдения приступов истерии и других психопатологических синдромов, что позволило ему прийти к неожиданным и совершенно уникальным объяснениям бессознательных процессов. Затем он разработал метод, позволяющий проверять эти идеи в дальнейших наблюдениях. Никто не может действовать в отрыве от теории. В имеющей большое значение статье Уиздом (Wisdom, 1956, р. 13) пишет: «Следовательно, при столкновении с проблемой прежде всего нужно обратиться к теории». Здесь же Уиздом поясняет, что различные техники психоанализа являются попытками разрешить практические и теоретические проблемы,

Как аналитики отвечают на встающие перед ними животрепещущие вопросы, очевидно, зависит от того, что они понимают под метапсихологией и как они толкуют соответствующие работы Фрейда. Наши собственные исследования убедили нас в том, что толкование Рапапортом и Гиллом (Rapaport, Gill, 1959) метапсихологии и ее изложения в работах Фрейда беспристрастно, они придают одинаковый вес различным метапсихологическим точкам зрения. Однако позднее Гилл (Gill, 1976), в частности, называл экономический (биологический) подход Фрейда к объяснению самым главным. Существует много причин расхождения мнений по этому вопросу. С одной стороны, одни и те же места можно интерпретировать различным образом; с другой — все метапсихологические точки зрения и их применение аналитиками, естественно, имеют определенную связь с переживаниями пациента. С учетом всего этого метапсихология — это тоже психология. Наконец, динамический и топографический подходы кажутся более близкими к опыту переживаний и к человеческим конфликтам, чем экономические представления о количественных процессах, которые не осознаются индивидом. Однако, по нашему мнению, такое представление о метапсихологии маскирует тот факт, что Фрейд не только оставался верен экономической точке зрения, но также старался обосновать свою теорию инстинктивной природой человека и биологией и предполагал, что количественные факторы позволят

впоследствии решить до сих пор не решенные проблемы. Отсюда ведет свое происхождение «ошибочное использование количественных концепций в динамической психологии» (Kubie, 1947).

Кризис теории 53

Конечно, нет необходимости ни в каком новом подходе, если освободить метапсихологию от ее специфического содержания, как это предложил Мейсснер (Meissner, 1981). Он отстраняется от метапсихологии, не находя в ней ничего, кроме руководящей идеи, в которой нуждается каждый ученый в дополнение к собственному методу, то есть неопровержимой банальности. Моделл (Modell, 1981) тоже лишает метапсихологию ее физикалистских черт, рассматривая «колдовскую метапсихологию» (die hexe Metapsychologie) Фрейда как символ для плодотворного осмысления и фантазирования. Подобно Мефистофелю в «Фаусте» Гёте (ч. 1, «Кухня ведьмы»), нам следует задаться вопросом: «Так ли нужно обращаться с ведьмами?» В каком смысле прибегал Фрейд к помощи «ведьминского букваря»? В работе «Конечный и бесконечный анализ» (1937с) он пытался ближе подойти к ответу на вопрос, возможно ли «методом аналитической терапии раскрывать конфликт между инстинктом и Я или патогенное инстинктивное требование, направленное на Я, постоянно и безошибочно» (р. 224). Он искал помощи у ведьмы: «Мы можем только сказать: «Тогда пусть это делает ведьма!», то есть колдовская метапсихология. Без метапсихологического осмысления и теоретизирования — я чуть было не сказал «фантазирования» — мы не сможем продвинуться вперед ни на шаг» (1937, р. 225). Проконсультировавшись с ведьмой, Фрейд стал считать, что ответ можно найти в количественных аспектах силы влечения, или в «отношении между силой влечения и силой Я» (1937, р. 225—226). Фрейд объяснял переживание удовольствия и неудовольствия при помощи экономического принципа. Он полагал, что психическое и соматическое переживание удовольствия и неудовольствия берет свое начало в катексисе, наполненности аффективных представлений психической энергией: удовольствие заключается в разрядке этой энергии. Катексис и разрядка — это регуляторные механизмы, существование которых предполагалось Фрейдом. Таким образом, метапсихология ведьмы приводит нас не в царство воображения, а к реальным числовым величинам, хотя Фрейд разместил их там, куда никогда не сможет проникнуть психоаналитический метод: в биологическом субстрате, в церебральных нейрофизиологических процессах, короче, в теле.

Бреннер (Brenner, 1980) заявил, что он пришел к истинному толкованию, согласно которому метапсихология приравнивается к психологии бессознательного и ко всей психоаналитической психологии. Бесспорно, Фрейд подчеркивал значение количественных, экономических факторов в разных своих работах, не только в последних текстах. Этот акцент приписывают влиянию Брюкке, а значит, школы Гельмгольца, как будто определение происхождения экономического принципа может изменить что-

54 Психоанализ. Современное состояние

нибудь в том, что решающие факторы в психоаналитической теории, а следовательно, и в теории бессознательного — это разрядка и катексис, то есть экономический или энергетический подход. Даже Бреннеру пришлось признать, что Фрейд требовал объяснять психические явления динамически, топографически и экономически. Рапарпорт и Гилл (Rapaport, Gill, р. 153) описывали эти положения как основы психоаналитической теории. Это относится, говоря словами Фрейда, к «динамическим отношениям между инстанциями душевного аппарата, которые нами признаны или (если это предпочтительнее) подразумеваются или предполагаются» (1937с, р. 226). Если к этому добавить генетический и адаптивный подходы, то вместе пять метапсихологических точек зрения охватывают весь

спектр психоаналитической теории.

Теперь проблема заключается не в том, сколько гипотез формулируется и на каком уровне абстракции, но в том, какие теоретические положения можно проверить психоаналитическим методом или посредством психологических экспериментов. Рассматривая отношения между теорией и методом, Бреннер упустил из виду одну важную проблему: элементы, заимствованные Фрейдом из биологии, сузили понимание глубинной психологии и психоаналитических объяснений или даже исказили эти объяснения (см.: Modell, 1981). Эта проблема привела к критике экономического подхода в метапсихологии и, следовательно, всех теоретических положений, так или иначе с ним связанных. На информацию, полученную психоаналитическим методом, в большой степени влияют представления самого аналитика. Значит, безразлично, как мы назовем силы, которым придается роль в психической динамике (Rosenblatt, Thickstun, 1977). Однако Бреннер (Brenner, 1980, p. 211) считает, что не имеет значения, говорят ли о психической энергии, о мотивационном импульсе либо вместо этого используют такой символ, как *abc*. Однако, поскольку бессознательное доступно психоаналитическому методу только в той степени, в какой инстинкт представлен в психике, принципиально важно, используем ли мы анонимные символы или говорим о значимых целенаправленных мотивах.

Моделл (Modell, 1981, p. 392) подчеркивает, что клиническая теория не объясняется метапсихологией, а скорее выводится из нее. В поддержку этого довода он цитирует пример из книги А.Фрейд «Эго и механизмы защиты» (1937), которая не могла бы быть написана, если бы Фрейд не пересмотрел метапсихологию и не снабдил ее новой моделью, в которой бессознательные силы рассматриваются как часть Эго. Несмотря на все проделанные модификации, Фрейд придерживался идеи *материалистического монизма*; в то же самое время в своем ис-

Кризис теории 55

следовании психической жизни человека он очень хорошо отдавал себе отчет в той роли, которую играет метод. Другими словами, у него был дуалистический подход к *психологическому* исследованию бессознательных процессов и к происхождению и последствиям вытеснения. Его гений преодолел метапсихологические псевдообъяснения и проложил путь великим открытиям, описанным им в 1920-х годах в «Я и Оно» (1923b) и в «Психологии масс и анализе Я» (1921c).

В то же время его попытка дать психической жизни метапсихологическое обоснование достигла кульминации в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920g). Его псевдонаучные (метапсихологические) объяснения сохраняют свой престиж, несмотря на утверждение, что научной формой психоанализа является та, которая покоится на представлениях, заимствованных из психологии (1927a, p. 257), и несмотря на требование (выраженное в письме к В. фон Вайцзэкеру в 1932 году), чтобы аналитики учились «ограничиваться психологическим образом мышления» (von Weizsäcker, 1977 [1954], p. 125). Вот почему название книги Гилла «Метапсихология — это не психология» произвело такой шок.

Современный кризис отражается в критике, идущей от психоаналитиков, которые не позволили себе избрать легкого пути. Один из них — Гилл. После того как он расширил вместе с Рапарпортом (Raparport, Gill, 1959) метапсихологию, его совместная с Прибрамом (Pribram, Gill, 1976) переоценка работы Фрейда «Проект научной психологии» (1950a) ознаменовала поворот в его мышлении. Как видно из обзора Вайнера (Weiner, 1979) статьи Прибрама и Гилла и очерка Холта (Holt, 1984), посвященного жизни и работе Гилла, неизбежным стал отказ от представления об экономическом подходе как о фундаментальном принципе метапсихологии. Метод глубинной *психологии* неспособен давать заключения о *нейрофизиологических* или других биологических процессах. Тем не менее Фрейд неоднократно возвращается к экономическому взгляду и к спекулятивным положениям о

распределении энергии в организме по причинам, которые мы сейчас опишем.

Психоаналитик постоянно имеет дело с процессами, относящимися к телесным ощущениям человека. Субъективные теории пациента о его физическом состоянии являются антропоморфными, то есть отражают инфантильные представления о теле. Язык метапсихологии не только сохраняет устаревшие биологические представления, его метафоры поднимают фантазии пациентов о своем теле, то есть о сознательном и бессознательном образе себя, до абстрактного уровня. Гилл (Gill, 1977) указал на то, что метапсихология полна образов, явно происходящих из инфантильных представлений о сексуальности. Посредством ме-

56 Психоанализ. Современное состояние

тапсихологической системы Фрейд пытался *объяснить проекции*, которые до этого привели к развитию метафизических представлений.

Когда мы осознаем, что инфантильные представления и устаревшие биологические убеждения вплетены в ткань метапсихологических метафор, становится проще понять, почему эти метафоры сохранили такую жизнеспособность даже вопреки тому, что они пришли в негодность в качестве составных частей научной теории. Если вслед за Гиллом придерживаться определений Фрейда и их специфического содержания, то метапсихологию нельзя рассматривать как научную теорию. Если, однако, предоставить определение лично аналитику, каждый может начать заново и все-таки все останется как есть. Таким образом, Моделл (Modell, 1981) включает все универсальные психологические явления, например повторение, идентификацию и интернализацию, происхождение и развитие эдипова комплекса, развитие Суперэго и идеала Эго, в метапсихологию. Он считает, что процессы, общие для всех людей, то есть допускающие высокую степень обобщения, по определению являются биологическими.

Мы считаем нецелесообразным определять универсальные явления, такие как идентификации, конфликты Эго, инцестуозные желания и инцестуозные табу, как биологические только потому, что они встречаются во всех культурах, хотя их содержание широко варьирует от одной культуры к другой. Эти *психосоциальные процессы* предполагают способность к символизации, которая в норме ни при каких условиях не может быть приписана биологии. Каково бы ни было происхождение табу на инцест в эдиповом треугольнике, мы предпочитаем психосоциальный и социокультурный подход, использованный Парсонсом (Parsons, 1964, p. 57ff.), биологическим гипотезам, которые предполагают, что у древнего *homo sapiens* было какое-то представление о генетических преимуществах экзогамии и об избегании инцеста.

Надо подчеркнуть, что психосоциальные и социокультурные явления до некоторой степени автономны; ни их происхождение, ни их модификация не ограничиваются биологическими процессами. В этом контексте и в противоположность Рубинштейну (Rubinstein, 1980) мы считаем допустимой спекулятивную аргументацию Поппера и Экклза (Popper, Eccles, 1977) в защиту интеракционистского взгляда на проблему духовного и телесного как исключительно плодотворную для психоанализа. Поппер и Экклз приписывают психическим процессам мощное эволюционное влияние, когда они утверждают, что человек, научившись говорить и развив интерес к языку, вышел на путь, ведущий к развитию его мозга и интеллекта.

Кризис теории 57

Здесь нас интересуют не влияние внутренней психической жизни человека на его эволюцию или размышления Поппера и Экклза на эту тему, а еще одно следствие философского интеракционизма: освобождение психоанализа как психосоциальной науки от

ограничений, наложенных материалистическим монизмом, когда он выступает фундаментальным принципом метапсихологии. Философские и нейрофизиологические доводы, которые приводят Поппер и Экклз, эвристически продуктивны и менее спекулятивны, чем полагает Рубинштейн (Rubinstein, 1980). Нейрофизиологические, лучше сказать психонейрофизиологические, эксперименты Кандела (Kandel, 1979, 1983) с некоторыми видами улиток предполагают интеракцию и, следовательно, доказывают, что у психики своя собственная независимая роль. Систематическая сенсорная стимуляция органов осязания у этих улиток ведет к структурным изменениям в клетках соответствующих церебральных областей. Короче, эти новаторские эксперименты можно интерпретировать как демонстрацию того, что когнитивные (психические) процессы ведут к структурным (клеточным) изменениям (см.: Reiser, 1985).

Подводя итог, можно сказать, что критика метапсихологии так, как она сформулирована Гиллом, Холтом, Клейном и Шафером, убедительна. Моделл считает, что проблему можно разрешить, просто критикуя устаревшие фрейдовские биологические принципы объяснения. В качестве примера он приводит конкретизацию концепции энергии, говоря, что она привела к неверной теории разрядки аффектов. Мы придерживаемся того мнения, что корни кризиса лежат в смешении биологии и психологии в результате материалистического монизма Фрейда, который, в конечном счете, сводится к изоморфизму психики и соматики. Следовательно, мы выступаем за теорию психоанализа, основанную прежде всего на представлениях, заимствованных из психологии и психодинамики. Такой подход имеет методологические основания, так как только он дает прочный фундамент для исследований психофизиологических корреляций. Надо заметить, однако, что подобные исследования часто вдохновляются утопическим представлением о том, что нейрофизиологические эксперименты можно использовать для проверки психологических теорий. Упускается из виду, что нейрофизиологические методы и психологические теории относятся к совершенно разным объектам. Значит, бессмысленно задаваться вопросом, совместимы или несовместимы психологические и нейрофизиологические теории.

Теперь уже ясно, что психоанализ выйдет из теоретического кризиса изменившимся прежде всего потому, что аналитикам больше не придется затруднять себя псевдонаучными метапси-

58 Психоанализ. Современное состояние

хологическими объяснениями энергетических трансформаций и т.д. Аналитическая ситуация, являющаяся основой познания, практические границы и эмпирическая значимость психоаналитического метода становятся все в большей степени предметом научного изучения (Hermann, 1963).

Такое исследование имеет огромное практическое значение, потому что оно обращено к самой важной сфере применения метода — к терапии. Лишь в последнее время стало понятно, что кризис принимает такое направление. Сначала выяснилось, что отход от метапсихологии обязательно предполагает отказ от любых требований, соответствующих объясняющей теории. Многие аналитики приравнивали причинные объяснения к науке и считали, что такие объяснения в психоанализе исходят из метапсихологии, у которой, однако, отсутствуют все признаки, характерные для поддающейся проверке научной теории. Критика Хабермасом (Habermas, 1971) фрейдовского «научного самозаблуждения», относящаяся к более поздним метапсихологическим псевдообъяснениям, была подхвачена на лету и заставила многих упустить из виду то, что Хабермас придает очень большое значение и интерпретации, и объясняющей теории бессознательных процессов. Мы подробно рассмотрели эти проблемы в нашей предыдущей публикации, посвященной методологическим сложностям клинических психоаналитических исследований (Thomä, Kächele, 1975), где делается попытка связать важную роль интерпретаций в терапевтической работе,

свидетельствующую о том, что психоаналитический метод — это особая форма герменевтики, с требованием Фрейда систематизировать в психоаналитической теории объяснения переживаний, действий и поведения человека. Однако, поскольку объясняющая теория психоанализа приравнивалась к метапсихологии, а хорошо обоснованная попытка систематизации Рапапорта привела к осознанию того, что эти идеи невозможно проверить научно ни в психоаналитической ситуации, ни экспериментально, казалось, что обращение к герменевтике аналитиков как внутри, так и вне круга Рапапорта являлось выходом из ситуации.

Рассмотрим теперь этот поворот к герменевтике, обратясь к работе Клейна, исследователя, который связал герменевтику с клинической теорией. В противоположность многоэтажному зданию Уэлдера (Waelder, 1962) Клейн выделяет две теоретические системы, которые различаются в зависимости от того, какие ставятся вопросы. Сначала он разработал это различие в отношении сексуальности (G. Klein, 1969), а затем сделал обобщение (G. Klein, 1970, 1973). Клейн разделяет клиническую теорию и метапсихологию и дифференцирует их при помощи вопросов «почему» и «как», ссылаясь на разрыв между клиническими и теоретическими выкладками во фрейдовском

Кризис теории 59

толковании сновидений. В центре клинической теории стоит проблема смысла, цели и намерения. Поскольку идея научного обоснования психоанализа стала ассоциироваться с метапсихологическими псевдообъяснениями, то Клейн пришел к дихотомии, в которой понимание закрепляется за аналитической практикой, а проблема объяснения или игнорируется, или обходится стороной. Вопрос состоит в том, обладают ли мотивационные объяснения эпистемологическим статусом, который отличается в принципе от статуса причинных объяснений.

Философские аргументы по поводу того, различаются ли обоснование и причина в категориальном плане и отличаются ли причинные объяснения от оправдания мыслей и действий человека или нет, одинаково весомы. Логика психоаналитических объяснений и их положение между описанием, мотивационным контекстом и функциональным контекстом сами по себе составляют проблему, но здесь мы не можем ее рассматривать (Rubinstein, 1967; Sherwood, 1969; Eagle, 1973; Moore, 1980). Дискуссия о мотиве и причине не привела ни к каким выводам (Beckerman, 1977; Wollheim, Hopkins, 1982; Grünbaum, 1984). С учетом терапевтической практики можно сослаться как на мотивационные объяснения, так и на смысловые контексты. Нам бы хотелось это проиллюстрировать выдержкой из нашей более ранней публикации.

По отношению к симптоматике конструкции принимают форму объясняющих гипотез... следовательно, они становятся теоретическими утверждениями, из которых можно вывести единичные прогнозы. Вообще говоря, эти прогнозы идентифицируют условия, причинно ответственные за невротическое состояние, и требуют, чтобы терапевтический процесс устранил эти условия в целях изменения (Thomä, Kächele, 1976, p. 86).

В этом тезисе нет ничего сверх теории вытеснения Фрейда, которую принимает и Хабермас. Однако в противоположность Хабермасу и (даже в большей степени) Лоренцеру (Lorenzer, 1974) мы придерживаемся того представления, что верификация изменения может и должна вестись за пределами субъективной интуиции. Если бы это было не так, герменевтическое понимание рисковало бы стать *folie à deux*¹

Вслед за Фрейдом мы предполагаем существование причинной связи между отдельной

¹ Безумие вдвоем (франц.)

детерминантой — вытеснением инстинктивного импульса — и последствием — возвращением вытесненного материала в виде симптома. Фрейд оформил этот тезис в метапсихологических терминах.

60 Психоанализ. Современное состояние

Но мы пришли к термину или понятию бессознательного другим путем, рассматривая определенные переживания, в которых играет роль душевная *динамика*. Мы обнаружили, то есть были вынуждены предположить, что существуют очень мощные душевные процессы или представления (и здесь впервые встает вопрос о количественном или экономическом факторе), которые могут порождать все эффекты душевной жизни, так же как это делают обыкновенные представления (включая те эффекты, которые в свою очередь могут стать сознательными как представления), хотя сами по себе они не осознаются. Здесь нет необходимости подробно повторять то, что так часто объяснялось до этого. Достаточно сказать, что в этом месте вступает психоаналитическая теория и утверждает, что причина, по которой такие представления не могут стать сознательными, состоит в том, что им противостоит определенная сила, мешающая им стать сознательными, что показало бы, как мало они отличаются от других элементов, считающихся физическими. Тот факт, что в технике психоанализа найдено средство, при помощи которого можно упразднить противостоящую силу и сделать сознательными представления, о которых идет речь, делает эту теорию неопровержимой. Состояние, в котором представления существовали прежде, чем они сделались сознательными, названо нами вытеснением, и мы полагаем, что сила, которая осуществила вытеснение и поддерживает его, воспринимается как *сопротивление* во время аналитической работы (1923b, p. 14).

Сила сопротивления, описанная здесь в метапсихологических терминах, может быть, как мы полагаем, психодинамически подтверждена и аналитически исследована без обращения к «экономическому фактору». В процессе разрешения бессознательного конфликта интерпретативной работой изменяются условия, поддерживающие вытеснение (и, следовательно, симптоматику). В конечном счете специфические бессознательные причины вытеснения могут стать недействительными. Это изменение может устранить процессы, определяющиеся причинной связью, но не саму связь; как подчеркнул Грюнбаум (Grünbaum, 1984), в действительности такое устранение подтверждает предполагаемую роль этой связи. Мы не будем здесь вдаваться в вопрос эмпирического доказательства и проблемы проверки гипотез в аналитической ситуации (см. гл. 10). Этой объясняющей схемы недостаточно, чтобы ответить на вопрос, почему бессознательные состояния выражаются в форме симптомов. Энергетическую модель, дающую псевдообъяснение, следует заменить более подходящей.

Мы стремимся здесь продемонстрировать то, что *объясняющая теория* психоанализа указывает на бессознательные психические процессы, и они становятся доступными *толкованию*. Любое систематическое исследование психоаналитической ситуации должно, следовательно, включать наряду с пониманием также и объяснение. Особенно важно определить, какие представления имеются у аналитика, когда он делает эмпатические интерпретации. По нашему мнению, надо особое внимание уделять тому, как предварительные теоретические концепции ана-

Кризис теории 61

литика влияют на его действия. В этом контексте особые сожаления вызывает то, что экономический принцип метапсихологии продолжает жить в глубинной герменевтике, в работах Хабермаса (Habermas, 1971), Рикёра (Ricoeur, 1969) и особенно Лоренцера (Lorenzer, 1974), хотя современное состояние нашего знания ясно показывает, что этот принцип не соответствует действительности и, следовательно, не подходит в качестве рамок для интерпретации (см.: Thomä et al., 1976).

Тем не менее, многим аналитикам очень трудно отказаться от метапсихологии. С годами метафоры метапсихологии приобрели *психодинамические* смыслы, очень далекие от изначальных физических смыслов. Например, принцип постоянства Фехнера, который представлял содержание экономической точки зрения, превратился в принцип нирваны. Даже глубокую человеческую истину, выраженную в стихотворении Ницше (1893): «Все удовольствие ищет вечности... хочет глубокой, глубокой вечности», — можно понять как антропоморфное выражение принципа постоянства и теории разрядки.

Именно те переживания, которые Дж. Клейн назвал «витальными, жизненными удовольствиями», как никакие другие, имеют такое физическое основание. Голод и сексуальность обладают качеством, которое обоснованно называется термином «инстинкт», и как явления отличаются от других переживаний. Высшая точка сексуального возбуждения, оргазм, — это полностью телесное ощущение, но и переживание огромной радости. Похоже, что экстаз затрагивает вечность и теряет ее в высшей точке, чтобы вновь стремиться к ней и снова обрести ее в томлении. В то же время происходят вполне прозаические процессы положительной и отрицательной обратной связи (то есть мотивационные процессы на сознательном и бессознательном уровнях), которые не упоминаются во фрейдовской теории влечений, построенной им по модели рефлекторной дуги. Поэтому Холт (Holt, 1976) после подробной и позитивной оценки клинических данных, соответствующих теории либидо, то есть психосексуальному развитию человека, приходит к заключению, что инстинкт как *метапсихологическое* понятие мертв и его необходимо заменить *желанием*. В его тщательном исследовании представлены убедительные клинические и экспериментальные находки в поддержку этой позиции. Мы не можем здесь приводить подробности, но нам хотелось бы подчеркнуть, что, используя теорию желаний Фрейда, Холт адекватно охватывает все элементы *психосексуальности*. Психоаналитическую теорию мотивации и смысла, которая создается в настоящее время, можно будет рассматривать как положительное развитие в отношении кризиса теории только в том случае, если она окажется способной связать наблюдаемые и известные явления с бес-

62 Психоанализ. Современное состояние

сознательными процессами более убедительно — с точки зрения как понимания, так и объяснения, — чем прежняя и нынешняя теоретическая мешанина.

И в самом деле, в философских и психоаналитических исследованиях с такими вызывающими названиями, как «Что осталось от психоаналитической теории?» (Wisdom, 1984) и «Смерть и преобразование метапсихологии» (Holt, 1981), некоторые психодинамические принципы, связанные со значимостью динамического бессознательного, выделены более отчетливо, чем в туманной метапсихологии. В конечном счете, происходит возврат в преобразованном виде к ранним открытиям Фрейда о бессознательной психической жизни человека: в начале было желание. Инстинктивные желания являются мотивирующей силой нашей жизни. Стремление к удовольствию и избегание неудовольствия составляют самые важные мотивы действий человека, особенно если эти принципы основываются на всем спектре переживания удовольствия и неудовольствия. Принцип удовольствия-неудовольствия является регуляторной схемой первого порядка. Психоанализ, таким образом, потерял бы свою глубину, если бы его теория мотивации не началась с динамического бессознательного. Здесь, однако, мы наталкиваемся на главную трудность метода, на которую указал Уиздом.

Бессознательное [то есть динамическое бессознательное, которое не может стать сознательным даже при помощи интерпретаций] походит на корень дерева, но, сколько бы ни развивался корень в видимые отростки, его никогда нельзя отождествить с суммой этих отростков, которые пробиваются сквозь почву. У бессознательного всегда больший потенциал, и само оно больше, чем его проявления. Его научный статус подобен тем понятиям высшего уровня в физике, которые *никогда*

не открываются для проверки посредством прямого наблюдения (Wisdom, 1984, p. 315).

Уже во времена работы над «Толкованием сновидений» Фрейд пришел к выводу о существовании бессознательных желаний, потому что обнаружил мысли, *перенесенные* в предсознательное. И так было всегда в отношении выводов, основанных на психодинамической теории желания; их нельзя подтвердить или опровергнуть предположениями о нейрофизиологических процессах, будь то сформулировано Фрейдом или современными авторами. Инстинкт во фрейдовском метапсихологическом смысле нельзя объявить мертвым только лишь потому, что голод, жажда и сексуальность регулируются механизмами иными, чем разрядка. Доводы Холта (Holt, 1976, 1982), безусловно, релевантны психоанализу, но только при условии, что метапсихология Фрейда принимается за основание для научного объяснения. Именно убежденность в этом и мешала признанию аналитиками неадекватности дуалистической теории влечений, пронизывающей все уровни теории и практики.

Кризис теории 63

Объясняющая теория психоанализа остается связанной с биологией XIX века, вместо того чтобы обратиться к данным, добытым в аналитической ситуации. Конечно, в психоаналитической ситуации, так же как и в метафорическом языке психоаналитической практики, метапсихология на протяжении долгого времени видоизменялась, хотя лишь совсем недавно произошли ее достойные похороны и, следовательно, раздел ее имущества. Из методологических соображений мы в противоположность Рубинштейну (Rubinstein, 1976) и Холту (Holt, 1976) принимаем точку зрения Поппера и Экклза (Popper, Eccles, 1977), несмотря на их акцентирование независимости психического и физического уровней внутри целого, потому что это точка зрения психофизического интеракционизма, а теории тождественности, как правило, ведут к монистическому материализму, которого придерживался также и Фрейд. Вездесущая склонность к теории тождественности, похоже, имеет свои корни в бессознательном. Каждый из нас отождествляется со своим телом, но оно также и чуждо нам, потому что мы не можем всмотреться в него как в объект. Наше тело вызывает у нас больше удивления, чем внешние объекты, которые мы можем расчленить и исследовать. Наконец, мы можем занять внешнюю позицию, интеллектуально отделившись от своего тела. Это может быть связано с бессознательным стремлением к единству, о котором говорят, что оно пронизывает все области науки; это вечная надежда на то, что один и тот же набор концепций в один прекрасный день сможет стать валидным на некоем очень высоком уровне абстракции. Этот аргумент, хотя и в разных формах, возникает всегда; его критиковал Адорно (Adorno, 1972 [1955]) в связи с отношениями между социологией и психологией.

Мы считаем, что критика энергетики инстинктов открыла для научной глубинной психологии новые измерения. Одно несомненное возражение против этой точки зрения заключается в том, что ответвления психоанализа, отклоняющиеся от теории влечений, часто становятся поверхностными (Adorno, 1952). Однако этой потери глубины можно избежать. Возможно, она связана с тем, что многие аналитики приравнивают к инстинкту или энергии бессознательное. Отказ от экономического подхода в результате отрицания теории влечений сдерживает фантазии аналитика о бессознательном его пациентов. Кроме того, терапевтический процесс зависит от многих факторов, а наши мысли о силе мотива стимулирующе воздействуют на бессознательное. Психоаналитическая эвристика всегда будет ориентироваться на принцип удовольствия и динамику бессознательных желаний, даже если исчерпан экономический подход теории инстинктов. Те истины, которые скрыты и метафорически выражаются во фрейдовской мифологии влечений, заключаются, вероятно, в

том факте, что Оно можно понимать как неисчерпаемый источник человеческой фантазии о том, что находится за пределами ограничивающих реалий, за пределами времени и пространства. В психоанализе либидо рассматривается как «подлинная психическая реальность», как это продемонстрировал Адорно (Adorno, 1952, p. 17). Обобщить понятия либидо до интенциональности — значит лишить его элементарной мотивационной силы, которую соблазнительно описать как коренящуюся в физическом существовании. Так, критикуя экономический взгляд теории либидо, нельзя не позаботиться и о том, чтобы вместе с водой не выплеснуть и младенца. Диагноз Адорно точен. Пересмотренный и социологизированный психоанализ имеет тенденцию снова впасть в поверхностность, характерную для Адлера: он заменяет динамическую теорию Фрейда, основанную на принципе удовольствия, простой эгопсихологией (Adorno, 1952, p. 2).

Принцип экономии влечений и положения, касающиеся регуляции психической энергией переживаний удовольствия и неудовольствия, стали непригодными как на основании нейрофизиологии и клинического психоанализа, так и последних наблюдений над взаимодействием матери и ребенка. Яркий графический язык фрейдовской теории предполагает подобие физических и психических процессов, которого на самом деле не существует. Если под влиянием внушающей силы метафор аналитик применяет их в областях, где сравнение уже не является валидным, то его терапевтические действия тоже будут неуместными. Кризис теории очень глубоко внедряется в психоаналитическую практику.

1.4 Метафоры

Фрейд опирался на нейроанатомию и нейрофизиологию конца XIX века и ссылаясь на эти области, прибегая к их помощи, чтобы ориентироваться на новой, незнакомой территории, которую он исследовал. Нам стоит и сейчас обращать внимание на его совет «сопротивляться искушению флиртовать с эндокринологией и автономной нервной системой, в то время как необходима *атмосфера психологических фактов, поддерживаемая рамками психологических концепций*» (1927a, p. 257; курсив наш). Это же предостережение мы находим в работе «К вопросу о непрофессиональном анализе», в том самом месте, где Фрейд проводит «истинную линию разделения... между *научным анализом* и формами его *применения* как в медицинской, так и в немедицинских областях» (p. 257) и делает свое известное утверждение относительно их неразрывной связи: «Не... логично»

Метафоры 65

проводить различие «между медицинским (то есть терапевтическим) и прикладным анализом» (p. 257).

Поскольку *метафорические* описания покоятся на *непсихологических* концепциях, как это бывает во многих случаях в метапсихологии, им не удастся удовлетворить требованиям Фрейда (к которым, однако, он сам относился пренебрежительно в начале своего творчества).

Метафоры Фрейда, объединяющие в себе явления возбуждения, разрядки, катексиса, связи и т.д., своим происхождением обязаны нейрофизиологии XIX века. Конечно, само по себе употребление метафор критиковать не за что; они являются неотъемлемой частью каждой научной теории (Grossman, Simon, 1969; Wurmser, 1977). Метафоры переносят смысл с первичного (знамого) объекта на вторичный (незнакомый) объект, как показал Грасси (Grassi, 1979, p. 51ff.), рассматривая историческое развитие концепции. Сравнения сами по

себе ничего не определяют, как писал Фрейд (1933а, р. 72), но они действительно помогают аналитику почувствовать себя уютнее на новой, незнакомой территории. Поэтому для Фрейда было совершенно естественным ссылаться на неврологию, например, сравнивая психический аппарат с рефлекторной дугой или описывая бессознательное как «хаос, котел, полный бурлящих возбуждений» (1933а, р. 73), — можно привести множество других введенных им экономических и количественных метафор (Rubinstein, 1972).

Как из практических, так и из теоретических соображений важно выяснить, как далеко простирается сходство, предполагаемое метафорами. Важно различать общие черты и отличительные особенности явлений, которые описываются метафорами, то есть определять положительные и (особенно) отрицательные аспекты аналогии (Hesse, 1966; Cheshire, 1975). Чем удачнее сравнение, тем ярче раскрывается сходство; однако выразительные метафоры, на первый взгляд объясняющие сходство, на самом деле мешают обратить внимание на его отсутствие. Фрейд создал множество метафор, с которыми психоанализ все еще чувствует себя достаточно уютно (J. Edelson, 1983), в то время как неудачные метафоры были отброшены. По мере того как теория подвергалась модификациям, область отрицательной аналогии, то есть различий, часто оставалась непроясненной. Возможно даже, что многие метафоры, введенные Фрейдом, были основаны на убеждении в изоморфизме, то есть в тождестве сравниваемого. Иначе он не рассматривал бы возможность — не выражал бы надежду, — что психоаналитическая терминология однажды сможет быть заменена стандартизированной физиологической и химической терминологией, согласно принципам материалистического монизма (1920g, р. 60).

66 Психоанализ. Современное состояние

Еще одна сложность заключается в том, что многим психоаналитическим метафорам из нейрофизиологии XIX века все еще приписывается научная валидность, которую они давно фактически утратили в своей «родной» области, так и не получив адекватного эмпирического обоснования на своей «второй родине». На деле эта старая терминология искажает психоаналитический опыт и его интерпретации. Когда-то у метафор была полезная интегрирующая функция, состоявшая в том, что они выстраивали мост от известного к неизвестному. Позднее язык, основанный на этих метафорах, сыграл свою роль в формировании профессиональной идентичности психоаналитика в психоаналитическом движении.

И вот мы переходим к другой языковой проблеме. Брандт (Brandt, 1961, 1972, 1977), Беттельхейм (Bettelheim, 1982) и Пайнс (Pines, 1985) утверждают, что большинство существующих проблем в психоанализе восходит к приписываемой Стрэчи замене метафорической и антропоморфной терминологии Фрейда искусственным механистичным английским языком в целях придания всему этому научной ауры. То, что в переводах Стрэчи встречается много слабых мест и есть откровенные ошибки, стало бесспорным для многих немецкоязычных аналитиков, и нет сомнения, что он заменил многое из прозрачной и живой речи Фрейда терминами, которые в лучшем случае что-то значат лишь для ученых с классическим образованием. Но можно ли видеть в этом причину теоретических проблем, которые оказывают такое глубокое воздействие на психоаналитическую практику?

Критические замечания Беттельхейма можно проиллюстрировать ссылкой на перевод слов «Besetzung» и «besetzen» как «катексис» и «катексировать». Английские слова ничего не говорят неспециалисту, непрофессионалу в противоположность первоначальным терминам Фрейда (*besetzen* означает «занимать, заполнять»). Но что сам Фрейд понимал под словом «Besetzung»? В 13-м издании Британской энциклопедии (*Encyclopaedia Britannica*) он опубликовал в 1926 году статью «Психоанализ: фрейдовская школа» («*Psychoanalysis: Freudian School*»). На немецком языке она появилась в 1934 году под названием «*Psycho-Analysis*». Именно здесь Фрейд писал:

С экономической точки зрения психоанализ предполагает, что психические представители влечений обладают зарядом (катексисом) определенного количества энергии и что назначение душевного аппарата состоит в препятствовании накоплению этих энергий и поддержании возбуждения на возможно более низком уровне. Ход душевного процесса автоматически регулируется «принципом удовольствия-неудовольствия»; и неудовольствие, таким образом, соответствует возрастанию возбуждения, а удовольствие его убыванию (1926ff, p. 265—266).

Метафоры 67

То, что сам Фрейд использует здесь слово «катексис», не имеет значения. Важно то, что на основе экономических гипотез Фрейда — неважно, сформулированы ли они на немецком, английском или на любом другом языке, — психоаналитики старались продемонстрировать катексис, используя гротескные формулы для его описания (например: Bernfeld, Feitelberg, 1929, 1930) или описывая запутанные трансформации либидо (например: Hartmann, Kris, Loewenstein, 1949). Аналитики часто беззаботно приписывали термину «катексис» объясняющую силу вследствие его кажущейся количественной точности. Это влияет на весь диапазон психоаналитической практики, например на количественное понятие напряжения, возрастающего в результате молчания. При тщательном изучении работы Рикёра (Ricoeur, 1970) видно, что теория количественной разрядки проникает даже в его герменевтический подход. Оставив в стороне ошибки перевода, можно сказать, что именно неологизмы обладают потенциалом обнажать проблемы. Без особой необходимости Фрейд не любил употреблять технические термины и был не удовлетворен, когда в 1922 году ради ясности Стрэчи изобрел слово «катексис» (взяв его из греческого языка) в качестве перевода для слова «Besetzung». Стрэчи (см.: Freud, 1923b, p. 63) замечает в своем введении к «Я и Оно», что Фрейд, может быть, в конце концов, смирился с «катексисом», поскольку он сам использовал этот термин в немецком варианте статьи из Британской энциклопедии (Freud, 1926f, p. 266). Орнстон (Ornston, 1985a,b) независимо от нас опубликовал полезную информацию о предыстории того, как Стрэчи ввел этот термин. Обычный немецкий читатель может догадаться об аналитическом значении слова «besetzen», перенося разнообразные неспециальные значения этого слова в новое поле, то есть понимая термин метафорически. Напротив, неологизм «катексис» может служить метафорой только для ученого с классическим образованием, которому известно значение греческого корня.

Чтобы еще раз обрисовать нашу точку зрения, отметим, что было бы ошибочно утверждать, как это делают Беттельхейм (Bettelheim, 1982) и Брандт (Brandt, 1961, 1972, 1977), что введенные Стрэчи неологизмы, такие, как «катексис», или его латинизация немецких терминов Ich и Über-ich (Я и Сверх-Я), Эго и Супер-Эго, ответственны за создание новых проблем. Напротив, переводы Стрэчи раскрыли проблемы, которые уже существовали (Ornstein, 1982). Вопрос заключается в соотношении объясняющей психоаналитической теории и субъективного опыта пациента. Фрейд разработал свою стратегию перехода от описания явлений к психоаналитическому объяснению в «Лекциях по введению в психоанализ».

68 Психоанализ. Современное состояние

Мы стараемся не просто описать и классифицировать явления, но и понять их как знаки взаимодействия душевных сил, как проявление целенаправленных намерений, работающих согласованно или во взаимной оппозиции. Нас интересует *динамический взгляд* на душевные явления. По нашему мнению, воспринимаемые явления должны уступить по важности тенденциям, которые представляются только гипотетическими (Freud 1916/17, p. 7).

С этой точки зрения предпочтение латинской формы Эго (и Супер-Эго)

англицированному переводу немецкого Ich (и Über-Ich) не имеет никакого значения, так как ни Эго, ни аналитическое использование Ich не может быть приравнено к самому переживающему Я (erlebendes Ich). Во введении к работе «Я и Оно» Стрэчи справедливо утверждал, что использование Фрейдом слова «Ich» далеко не ясно.

Конечно, этот термин широко употреблялся еще до времен Фрейда, но нельзя считать однозначным тот смысл, который он сам ему приписывал в своих ранних работах. Представляется возможным указать на два основных случая его употребления: в одном случае термин отделяет саму личность (the person's self) как целое (возможно, включая и тело) от других людей, а в другом обозначает отдельно часть психики, характеризующуюся особыми признаками и функциями (Strachey. — In: Freud, 1923b, p. 7-8).

Фрейд пытался объяснить индивидуальный субъективный опыт средствами теории душевного аппарата. Поэтому никакое возможное улучшение в переводе с немецкого оригинала не могло бы помочь решению проблем, возникающих в теории.

Определенную роль играет то, как мы понимаем «Оно» и можно ли на вопрос Хэймана (Hayman, 1969) «Что мы понимаем под "Id"?» ответить в контексте английского, французского, испанского или немецкого общества или культуры. Все же это — замещение (субстантив), и, как подчеркнул Брейер в совместной публикации с Фрейдом в 1895 году на всех языках, равновелика опасность:

Слишком просто приобрести умственную привычку считать сущностью субстантив, заменять или постепенно скрывать объект за термином, за осознанием. И если у кого-то уже сформировалась привычка использовать такие локальные взаимосвязи, как «бессознательное», метафорически, то он со временем действительно выстроит представление, в котором сама метафора будет забыта и которым он будет манипулировать, как если бы оно было реальностью. Так рождается мифология (Breuer, Freud, 1936, p. 169).

То, что предостережения Брейера против материализации, овеществления так мало учитываются, объясняется неадекватным рассмотрением философских аспектов, которое осветил Дилман (Dilman, 1984, p. 11).

Метафоры 69

Когда немец слышит слово «Es», он немедленно думает о безличном местоимении «es» (это), которое очень широко используется в немецком языке как грамматическое подлежащее: «es fällt mir ein» (ср. «мне подумалось»), «es stö(ss)t mir etwas zu» («со мной что-то происходит»), «es hat mir geträumt» («мне приснилось»), «es hat mich überwältigt» («меня потрясло»). «Es» характерно для немецкой речи при выражении чувств. Керц (Kerz, 1985) пишет, что Ницше, несмотря на всю свою критику мышления сущностями, не уклонялся от того, чтобы говорить о воле, власти, жизни, силе и т.д., когда он пытался снять ограничения самосознания. Несмотря на все предостережения, замещения постоянно овеществляются и, следовательно, «Оно» тоже наделяется целым рядом человеческих качеств.

Антропоморфизм неизбежен при употреблении метафоры, для которой человек бессознательно использует себя как стандарт, являющийся мерой всему, и, соответственно, ищет себя и особенно свои желания и намерения в скрытой, все еще бессознательной сфере человеческой природы — в Оно. Несмотря на свою физикалистскую терминологию, Фрейд воздерживался от приписывания материальной субстанции овеществленному Оно, поскольку широко использовал антропоморфные метафоры для объяснения бессознательных процессов и строго придерживался психоаналитического метода. Однако, как только пересекается определенная граница, остается лишь шаг до болезней Оно и до приравнивания Оно к патологическим телесным процессам. Понимание Оно в период романтики и в фило-

софии жизни (Оно Ницше) становится психосоматическим Оно Гроддека — и тогда начинает маячить на горизонте недостижимая цель — мистическая универсальная наука.

Что мы подразумеваем под Оно? На этот вопрос можно более удовлетворительно ответить, если познакомиться с влиянием истории философской мысли на решения Фрейда, включая решение употребить вслед за Ницше слово «Es». У говорящего по-немецки, знакомого с интеллектуальной историей, будут другие ассоциации с Es, чем те, которые возникнут у читающего по-английски «Стандартное издание» трудов Фрейда, но английский, французский и немецкий варианты психоаналитической теории душевного аппарата — все они в равной степени далеки от попытки пациента свободно ассоциировать. Беттельхейм (Bettelheim, 1982) винит латинизацию некоторых основных терминов и относительно низкий уровень образования многих из сегодняшних пациентов (которые в отличие от образованной буржуазии Вены незнакомы с классической мифологией, например с легендой об Эдипе) в том, что, с его точки зрения, психоанализ потерял человечность Фрейда и стал абстрактным.

70 Психоанализ. Современное состояние

Мы считаем аргументацию Беттельхейма ошибочной, поскольку теория Фрейда, как и любая другая, отличается от субъективного опыта и применение метода на практике никогда не зависело от того, слышал ли когда-нибудь пациент о драме Софокла. На самом деле, чем меньше он знает, тем более убедительными являются любые терапевтические и научные открытия. Критику Беттельхейма нельзя применить к психоаналитической теории или к обычному современному пациенту, ее можно применить только к той манере, в которой аналитики используют теорию Оно. Конечно, теории могут быть более или менее механистическими, и теория Фрейда, согласно которой замещение, сгущение и пластическая репрезентация являются самыми важными бессознательными процессами, возможно, более механистична, чем положение Лакана (Lacan, 1968) о том, что бессознательное структурировано так же, как язык. Теоретические утверждения о бессознательных процессах, участвующих в вытеснении, не имеют прямой связи с чисто человеческой ответственностью аналитика, но когда дело доходит до терапевтического применения психоаналитического метода, человеческая эмпатия сразу же приобретает должное значение. Профессиональная ответственность, таким образом, требует искать решения проблем, которые мы очертим в конце десятой главы.

Наконец, следует подчеркнуть, что одной из причин особого положения метафор в психоаналитическом диалоге является то, что они позволяют связать конкретное и абстрактное. Кроме того, прояснение сходства и различий является постоянным фактором в терапии (Carveth, 1984b). Арлоу (Arlow, 1979) назвал психоанализ метафорической процедурой на том основании, что перенос — типичное явление в психоанализе — восходит к метафорическому процессу, то есть к перенесению смысла из одной ситуации в другую. Мы рассмотрим влияние этого подхода на технику лечения, когда будем обсуждать интерпретации переноса в разделе 8.4.

1.5 Обучение

Психоаналитические учреждения не смогли поддержать неразрывную связь между терапией и исследованиями. Наследие Фрейда главным образом передается путем обучения терапевтов, систематические исследования и лечение пациентов в амбулаторных клиниках, как предусмотрено той моделью Фрейда, в соответствии с которой должен функционировать психоаналитический институт, ведутся недостаточно интенсивно. Таким образом, возник застой, который поначалу скрывался под обманчивой маской неожиданного распространения психоанализа в

США после второй мировой войны. Принятие психоанализа обществом мотивировало многих молодых врачей проходить психоаналитическую подготовку. Возникли новые обучающие центры. Психоаналитические концепции формировали основу динамической психотерапии и психиатрии (см.: Sabshin, 1985). Но систематическое исследование аналитической ситуации — родной почвы психоанализа только начинается (Schlesinger, 1974).

В США, кроме нескольких немедиков, которые признаны как кандидаты-исследователи в силу своего таланта к междисциплинарным исследованиям, только квалифицированные и подготовленные психиатры могут обучать психоанализу и практиковать его. Поэтому на первый взгляд именно «медицинской ортодоксией» (Eissler, 1965) или «медико-центристской» подготовкой (Parin, Parin-Matthèy, 1983a) можно было бы объяснить наблюдаемый печальный застой в этой области. Однако при ближайшем рассмотрении этот опрометчивый диагноз оказывается всего лишь описанием симптоматики, причем основанным на довольно узкой концепции медикоцентризма. Точнее было бы сказать, что целью подготовки является один и тот же стандартный результат, распространенный во всем мире. Даже в странах, где обучение открыто для непрофессионалов (включая ученых-теоретиков, немедиков), учебные заведения выпускают именно терапевтов-психоаналитиков. Специализация в стандартной технике дает им возможность лечить тех пациентов, которые для этого подходят.

Неопровержимым фактом является то, что почти все психоаналитики-немедики оставляют свои предыдущие профессии; очень немногие остаются активными в своей изначальной научной дисциплине или проводят в ней междисциплинарные исследования. Одним из почетных исключений является маленькая группа психоаналитиков-немедиков, которые были квалифицированными учеными, прежде чем получили подготовку под покровительством Американской психоаналитической ассоциации. Благоприятные внешние условия помогли большинству из этой группы аналитиков продуктивно работать в области междисциплинарных исследований и сохранять свою компетентность в изначальных областях на благо психоанализа. Следовательно, именно цель подготовки налагает ограничения и поддерживает ортодоксию, за которой несправедливо закрепился ярлык «медицинская». Во всех других областях медицины базовые исследования фактически поощряются, в психоаналитическом же обучении акцент на практике носит ярлык «медикоцентристский».

Общие и специальные научные опросы, в том числе и в психоаналитических исследованиях, разрывают цепи любого вида

72 Психоанализ. Современное состояние

ортодоксии. Это ведет к сотрудничеству психоанализа с гуманитарными и социальными науками. Фрейд подчеркивал, что

[психоанализ,] единственный среди медицинских дисциплин, имеет наиболее обширные отношения с науками о психике, и... в этом положении он должен играть такую же важную роль при изучении религиозной и культурной основы в мифологии и литературе, какую играет в психиатрии. Это может показаться странным, если учесть, что изначальной его единственной целью было понимание и устранение невротических симптомов. Однако тут нетрудно усмотреть начало моста, который может быть перекинут к наукам о душе. Анализ сновидений позволил нам понять душевные бессознательные процессы и показал, что механизмы, которые продуцируют патологические симптомы, так же действуют и в нормальной душевной жизни. Так психоанализ стал *глубинной психологией* и как таковой может использоваться в науках о психике... (Freud, 1923a, p. 252—253)

В попытке адекватного лечения больного как личности медицина должна привлекать все

науки, которые могут помочь исследовать, облегчить и излечить страдания человека. В этом смысле психоаналитический метод является одним из многих слуг, а его хозяином является не профессия специалиста, а скорее пациент. В большей степени, чем признанные дисциплины, психоанализ должен был (и все еще должен) бороться за свое право определять диапазон деятельности и исследования и соответственно работать на благо пациентов и общества.

Психоанализ долгое время оставался одним из младших слуг, и Фрейду пришлось бороться, чтобы защитить его от подчиненности хозяину, а именно психиатрии. Это мешало и практическому и научному развитию. Эйссер (Eissler, 1965) приветствовал отделение психоаналитических учебных заведений от факультетов медицины и от университетов, но это отделение было фактически одной из *причин* медицинской ортодоксии, которая его огорчала. Ортодоксальные подходы не имели бы шансов на выживание в научной медицине. Конечно, психоанализ по серьезным причинам всегда был медикоцентристским, в том смысле, что терапевтическая практика есть его основа (и место рождения его теории культуры). Научные исследования, в частности, демонстрируют междисциплинарное положение психоанализа и его зависимость от взаимодействия со смежными науками, Психоаналитические подходы можно продуктивно применять в гуманитарных науках. Однако всякое междисциплинарное сотрудничество также ведет к тому, что глобальные требования со стороны психоанализа становятся относительными, будь то в психологии или в теории культуры. В каждом психоаналитическом институте или университете, где в последние десятилетия были сформированы исследовательские группы, была подорвана всяческая идеология (Cooper, 1984b; Thomä, 1983b).

Обучение 73

К ригидности привело не основание отдельных психоаналитических учебных заведений как таковых, но скорее их односторонность, которая печалила даже такого выдающегося психоаналитика, как Анна Фрейд (A. Freud, 1971), а Кернберг (Kernberg, 1985) недавно сообщил, что и структурно и функционально психоаналитические учебные заведения ближе к профессиональным школам и теологическим семинариям, чем к университетам и школам искусств. Такое неблагоприятное состояние дел встречается повсюду, в том числе и в относительно либеральных центрах, не контролируемых Международной психоаналитической ассоциацией (IPA), которые готовят как психоаналитиков-немедиков, так и врачей. Критика Анны Фрейд приложима повсюду, где во время обучения отрицается исследование, а практический опыт ограничен несколькими супервизируемыми случаями. Увеличение длительности лечения в последние десятилетия и соответствующая интенсификация супервизии не ослабили ригидности в заметной степени.

Мы не можем здесь развивать дальше сложную тему обучающего и супервизируемого анализа, однако показательно, что длительность лечения пациентов растет пропорционально длительности обучающего анализа. Обучающий и супервизируемый анализ, таким образом, определяет специфические черты школ чистого, строгого и подлинного психоанализа. Гловер (Glover, 1955, p. 382) давно привлек внимание к нарциссическим компонентам этого преувеличенного внимания количеству, а именно к числу сеансов, длительности анализа в течение ряда лет или десятилетий и последствиям этих двух факторов. В книге о психоаналитической терапии нельзя не упомянуть об этой проблеме, ибо обучающий и супервизируемый анализ влияет на практику и на профессию больше, чем все другие аспекты подготовки вместе взятые. Продление обучающего и супервизируемого анализа, произошедшее за пятьдесят лет, создало значительные проблемы (A. Freud, 1971, 1983; Arlow, 1982; Laufer, 1982).

Многообещающим знаком является то, что IPA теперь рассматривает эту проблему. Например, Кернберг обобщил свои наблюдения на симпозиуме, организованном IPA, на тему «Перемены среди аналитиков и в их обучении» (Wallerstein, 1985). Оптимистично, что в

конце концов должны появиться перемены, которые позволят реализовать триаду Фрейда: обучение, лечение пациента и исследование. Очевидно, что вечерние курсы того типа, которые проводятся в традиционных психоаналитических учебных заведениях, не соответствуют этой цели (A. Freud, 1971; Redlich, 1968; Holzman, 1976).

1.6 Направления и течения

Чем дальше развивается психоанализ, тем труднее разным школам прийти к согласию в отношении его существенных черт. Перемены, провозглашенные в дискуссиях между венскими и лондонскими психоаналитиками в 1930-х годах (Riviere, 1936; Waelder, 1936), происходили в течение последующих двадцати пяти лет.

Результатом этого процесса стала поляризация. С одной стороны, согласно Рапарпорту (Raparport, 1967), психосоциальные применения и отношения так и остались непроясненными в теории психоаналитической эгопсихологии. С другой стороны, тот же автор иронически описал теорию объектных отношений Кляйн (Klein, 1945, 1948) как мифологию Оно. Положение Оно в теории и практике является определяющим фактором. В сфере влияния Лакана эгопсихология считается поверхностной, хотя Фрейд (1923b) описал Я как имеющее глубокие корни в Оно. Поэтому Понталис (Pontalis, 1968, p. 150) поднял вопрос о том, не разрушает ли американская эгопсихология фундаментальные понятия, такие, как понятия бессознательного, и не ведет ли к психологии научения.

Теории Кляйн о раннем детском развитии и ее рекомендация предлагать глубинные интерпретации, не анализируя сопротивление, привели к значительной оппозиции с эгопсихологией, представленной работой А. Фрейда «Я и механизмы защиты» (1937). В Лондоне между двумя полюсами сформировалась промежуточная группа. Североамериканский психоанализ последовал за традицией эгопсихологии. Разногласия между сторонниками Кляйн и сторонниками эгопсихологии продолжают до сих пор, хотя и потеряли свою полемическую остроту. Большинство психоаналитиков ближе к середине широкого спектра взглядов на теорию и технику лечения.

В сравнительном исследовании Кернберга (Kernberg, 1972) дана критика эгопсихологами теории Кляйн и ответ ее сторонников. В целом влияние Кляйн на психоанализ очень большое: некоторые значимые компоненты ее теории широко приняты. Общепризнанна важность ранних объектных отношений для нормального и патологического развития. Утверждение, что депрессивные реакции происходят во время первого года жизни, принято даже теми авторами, которые не убеждены в том, что депрессивная позиция в более строгом смысле является нормальной переходной фазой. Сторонники эгопсихологии, занимающиеся пограничными случаями и лечащие психотических пациентов, ориентируются на констелляции защит, которые характеризуют параноидно-шизоидную и депрессивную позиции.

Кляйн (Klein, 1935) подчеркивала важность роли, которую играет агрессия на ранней фазе развития. Ее выводы получили признание даже среди аналитиков, которые отвергают специфические тезисы, идущие от гипотезы о влечении к смерти. Например, даже Джакобсон (Jacobson, 1964) относит ранние стадии формирования Супер-Эго и важность этих ранних структур для последующего психического развития ко второму году жизни. Отнесение Кляйн эдипова конфликта ко второму и третьему годам жизни и ее тезис, что

доэдиповы факторы и конфликты влияют на психосексуальное развитие и формирование характера, также получили очень широкое признание.

Кажется само собой разумеющимся, что специфическая односторонность разных школ сглаживается, когда они абсорбируются в общую психоаналитическую теорию. Слияние теорий неизбежно предполагает взаимное влияние и взаимопроникновение. Утверждения Кляйн по поводу ранних защитных процессов продуктивно повлияли на технику лечения. Согласно Кернбергу, здесь самым важным фактором является интерпретация процессов расщепления, которые проясняют генезис негативных терапевтических реакций как следствие бессознательной зависти. Такая интерпретация дополняет понимание этого явления Фрейдом.

Кляйн и английская школа также повлияли на приверженцев психологии объектных отношений, таких, как Балинт, Фэйрберн, Гантрип и Винникотт. Однако Сазерленд (Satherland, 1980) подчеркнул независимость этих четырех аналитиков от Кляйн и английской школы, назвав их *британскими теоретиками объектных отношений*. Необходимо отдать должное Балинту за то, что он сделал возможным для аналитиков применение психологии двух и трех персон в технике лечения, подчеркнув важность этих отношений для инфантильного развития уже в 1935 году. В противоположность Кляйн, которая рассматривала объект (материнскую фигуру) как принципиально созданный инфантильными фантазиями и их проекциями, Балинт полагал, что основой формирования объекта является взаимодействие.

Мы предпочитаем психологию двух и трех персон Балинта другим теориям взаимодействия по ряду причин. Их нам хотелось бы раскрыть, противопоставив понимание Балинта другим подходам, которые на первый взгляд кажутся похожими. Балинт (Balint, 1953) оставляет открытым вопрос о том, что происходит в отношениях между двумя людьми. Он полагает, что определенные перенос и контрперенос специфичны для каждой личности и что собственная теория аналитика влияет на аналитическую ситуацию. Мнение Балинта о том, что внутриспсихические конфликты взрослых отражаются на отношениях, отличает его психологию двух персон от межличностной теории Салливана (Sullivan, 1953), игнорирующей субъективный опыт пациента и

76 Психоанализ. Современное состояние

инстинктивные нужды. Одно из существенных различий между подходом Балинта и биперсональным полем Лангса (Langs, 1976) заключается в том, что для Лангса кажется данностью то, что само существование и структура этого поля определяются процессами проективной и интроективной идентификации. Балинт многие вопросы оставляет открытыми, в то время как Лангс и другие высказывают убеждение, что им уже известно не только все то, что происходит в аналитической ситуации, но и почему это происходит именно так, как происходит. Естественно, ни один аналитик не свободен от теоретических концепций, однако Балинт всегда подчеркивал, что его утверждения являются предварительными, и настаивал на относительности точки зрения наблюдателя. Его позиция относительности является одной из причин, по которой Балинт противостоял догме и не основал своей школы. Его психология двух персон соответствовала как и общим, так и частным достижениям науки. Эриксон расширил эгопсихологию с учетом достижений американских философов, таких, как Джеймс, Кули и Мид, и их вклада в развитие представлений о психологической идентичности и самооценке (Cheshire, Thomä, 1987).

Теперь мы переходим к другой важной теме, которая оказала влияние на перемены в психоаналитической практике. Появление психологии объектных отношений можно отчасти рассматривать как принятие во внимание того, что пациенты в силу своей возрастающей фундаментальной незащищенности ищут поддержки у аналитика. К этому не следует относиться как к только повторению инфантильных ожиданий и фрустраций. Речь идет о появлении возможности для дальнейшего проникновения интерпретативной техники

психоанализа в области, которые не были должным образом исследованы из-за недостаточного внимания к происходящему «здесь-и-теперь». В процессе наших попыток интеграции мы многое узнали о том, как возникла поляризация, и теперь нам бы хотелось привести несколько поразительных примеров, чтобы показать, как психоаналитическая техника оказалась, наконец, в своем настоящем положении.

Две важнейшие международные конференции по теории лечения — в Мариенбаде в 1936 году и в Эдинбурге в 1961 году — охватили период, за который изменилось нечто большее, чем просто техника лечения. Фридман (Friedman, 1978) привел очень показательные сравнения между двумя конференциями. В Мариенбаде все еще сохранялся высокий уровень открытости, но к 1961 году климат в Эдинбурге напоминал состояние осады.

Атмосфера осады, которая нависла над конференцией, радикально отличала ее от атмосферы работы Фрейда и от Мариенбадской конференции... Участники встречи в Мариенбаде не подавали никаких признаков стремления *избежать* запретного пути; они себя чувствовали даже удоб-

Направления и течения 77

нее, когда говорили о неизвестных взаимовлияниях между пациентом и терапевтом. Что же произошло? Почему участники конференции в Эдинбурге стали действовать так настороженно? Почему интерпретация стала военным кличем? (Friedman, 1978, p. 536)

Как и Фридман, мы считаем, что интерпретация стала военным кличем потому, что расширяющийся диапазон психоанализа ставит вас перед необходимостью определить его идентичность. Психоанализ распространился за пределы основного течения. Бихевиоральная терапия и терапия Роджерса, ориентированная на клиента, возникли как конкурирующие методы. Начался психотерапевтический бум.

Удвоенное беспокойство привело к установлению внутренних и внешних границ. Кульминацией же стала представленная Эйслером (Eissler, 1953) *базовая образцовая техника* (basic model technique) в качестве истинного психоаналитического метода. Интересно, что в похвальной статье Айхорну Эйслер (Eissler, 1949) все еще рассматривал терапию правонарушителей как подлинный психоанализ. Даже критикуя Чикагскую школу Александра (Alexander, 1950), он провозгласил, что психоаналитическая терапия включает в себя любую технику, которая стремится к структурному изменению, достигаемому посредством психотерапевтических средств, независимо от того, требуются ли при этом ежедневные или, наоборот, нерегулярные занятия, и независимо от использования кушетки.

Ясно, что целью является не просто изменение любого рода, могущее быть результатом внушения или какого-нибудь другого фактора. Нет, требование Эйслера предполагало, что демонстрация терапевтической эффективности метода докажет, что психоаналитическая теория точна, поскольку теория ориентируется на развитие интрапсихических структур. Из хода причинной психоаналитической терапии и благодаря демонстрации изменений можно сделать выводы о происхождении психических и психосоматических болезней. Таким образом, несмотря на яростную критику манипулятивного использования Александром корректирующего эмоционального опыта, Эйслер с самого начала высказывался в пользу открытости в духе Мариенбада. Лишь в 1953 году он представил базовую образцовую технику, единственным инструментом которой была интерпретация (Eissler, 1953, p. 110). Следовательно, классическая психоаналитическая техника — это «такая техника, где интерпретация остается исключительным, ведущим или преобладающим инструментом» (Eissler, 1958, p. 223). Этой техники в чистом виде вообще не существует.

Затем были проведены границы, которые, казалось бы, помогли аналитикам ясно отличить мир классической техники от остального психоаналитического и

Игнорировались все переменные в психоаналитической практике: симптомы пациента и личностная структура, поправка на личностные особенности аналитика и т.д. Между прочим, даже Эйсслер считал, что эти переменные могли бы быть основанием для вариаций в технике (1958, р. 222). Базовая образцовая техника не просто исключила все переменные, кроме интерпретации: она создала легенду, как признался сам Эйсслер в беседе с Лёвенштайном. «Еще ни один пациент не был проанализирован при помощи техники, в которой используется только одна интерпретация (Loewenstein, 1958, р. 223). Фон Бларер и Брогле (von Blager, Brogle, 1983) даже сравнили тезис Эйсслера с законами, которые Моисей принес со святой горы. С научной точки зрения не могло бы быть никаких возражений против такого пуристского, чистого метода, как этого требует базовая образцовая техника Эйсслера. Однако по большому счету дело не пошло дальше создания кодекса, не было тщательно исследовано, как эти заповеди работают на практике, до какой степени им подчиняются и в чем их нарушают. Единственная функция, которую великолепно выполнила базовая образцовая техника, заключалась в отличении классической техники от других, но даже это не сопровождалось эмпирическим изучением.

Преобладающее настроение сегодня: снова в путь. Сандлер, с его безошибочным чувством направления, которое приобретает путешествие, сказал, что «психоанализ — это то, что практикуется психоаналитиками» (Sandler, 1982, р. 44). Это прагматическое определение, хотя и поразительно простое, имеет хождение среди широкой публики и валидно для каждого анализируемого. Сейчас мы говорим о практике как таковой, а также о том, как она выглядит извне, и уже не касаемся формальных критериев или идеальных требований к тому, как следует практиковать. Сандлер поддержал свой тезис, сказав, что хороший аналитик так или иначе модифицирует технику от случая к случаю, потому что каждому пациенту нужно свое. Если пациент может приходить только один или два раза в неделю, аналитик соответственно модифицирует свою технику лечения. Тогда решающим фактором становится психоаналитическая установка, и можно закончить бесконечные рассуждения о формальных признаках, таких, как частота занятий, длительность терапии и использование кушетки,

Мы неизбежно приходим к вопросу о том, что такое психоаналитик и как создается психоаналитическая установка. Проблема сдвигается к вопросу о подготовке аналитика. Сандлер считает, что преподавание классической техники создает самые лучшие условия для развития аналитической установки, однако аналитик не усвоит психоанализ и не обретет своего личного стиля, пока не будет иметь многолетний опыт собственной

практики. Конечно, не существует ничего заменяющего личный опыт, но если качеством хорошего аналитика является гибкость, то должна быть соответственно организована и подготовка к практике. Едва ли можно утверждать, что базовая образцовая техника, которая, например, запрещает аналитику задавать вопросы и отвечать на них, предполагает психоаналитическую установку, совместимую с определением, данным Сандлером хорошему практику. Безусловно, акцент Сандлера на качественных аспектах вовсе не означает абсолютного пренебрежения количественными аспектами. Время, регулярность, длительность и частота занятий — это важные факторы, от которых очень многое зависит. Тем не менее, они не определяют происходящее качественно и поэтому не могут быть использованы как мера различия между психотерапией и психоанализом.

Уайетт (Wyatt, 1984) не рассматривает психоаналитическую стандартную технику и

аналитическую психотерапию как альтернативу. Если принять его точку зрения, то приобретает важное значение вопрос, который Уайетт поднимает в конце своего длительного исследования: если зачастую невозможно определить до самого конца лечения, «имеет ли человек дело с подлинным психоанализом или настоящей психотерапией» (р. 96), тогда хотелось бы знать, какова разница между «подлинным» и «настоящим». Мы полагаем, что дальнейшее прояснение этого вопроса будет осложнено смешением профессиональной политики и научных интересов. Психоанализ в учебных заведениях склонен к ортодоксии, которая пышно разрастается на демаркационных линиях — за столами конференций. Тогда эмпирические исследования с целью улучшения нашего знания о том, что составляет подлинный психоанализ, начинают казаться излишними.

На практике аналитик движется вдоль континуума, в котором нельзя провести никаких четких демаркационных линий. Никогда нельзя было лечить пациентов при помощи базовой образцовой техники; это фикция, созданная для несуществующего пациента. Специфические средства, в том числе интерпретации переноса и сопротивления, запечатлены в ряде поддерживающих и экспрессивных (то есть вскрывающих конфликты) техник, хотя в разных случаях, как показано в исследовании Меннингера, на первый план выступают различные методы. Кернберг (Kernberg, 1984, р. 151) недавно предложил различать психоанализ, (экспрессивную) психотерапию, вскрывающую конфликты, и поддерживающую психотерапию в той степени, в какой выражены следующие параметры: 1) принципиальные технические приемы, такие, как кларификация, интерпретация, внушение и вмешательство в социальное окружение; 2) интенсивность интерпретирования переноса; 3) степень поддерживаемой технической нейтральности.

80 Психоанализ. Современное состояние

После того как аналитик освободится от резких разграничений, все же будет существовать широкая область, в которой необходимо делать *различения*. Соблазнительно сравнить случаи анализа или специфические техники отдельных школ друг с другом и с другими видами психоаналитической психотерапии. Мы считаем такие сравнительные исследования обязательными. Если стойкие изменения рассматривать как подтверждение терапевтического действия, все методы и техники теряют свое «самодовольство»; скорее их научная ценность становится относительной на фоне той практической пользы, которую пациент получает от терапии. Поэтому мы призываем к квалифицированному разграничению школ, которые могут принести только пользу пациенту. За исключением кандидатов, проходящих обучающий анализ, анализируемым безразлично, подвергаются они анализу или психотерапии. Пациентам просто нужна как можно лучше оказанная помощь. Различия существуют, прежде всего, в голове аналитика. Мы предполагаем, что частые «хорошие сеансы», как их определяет Крис (Kris, 1956a), или частые изменяющие интерпретации (см. разд. 8.4) дают аналитику ощущение, что он достиг подлинного психоанализа. Другие его особенности связаны с точностью фокусировки и поставленными целями (см. гл. 9). Субъективный опыт аналитика должен проверяться посредством сопоставления процесса и результатов анализа с долговременными последствиями. Мы согласны с Кернбергом (Kernberg, 1982, р. 8) в том, что «строгое *отделение* психоанализа как теории и техники от теоретического и технического исследования психотерапевтической практики может по многим причинам нанести ущерб самой психоаналитической работе».

Мы рассматриваем такой ущерб на двух уровнях. Строгое отделение, которого в наиболее явной форме требует базовая образцовая техника, укрепило ортодоксальную неоклассическую установку, которая все больше ограничивала спектр показаний к анализу, а вместе с тем и базу для получения новых знаний. Поскольку эффективность терапии ни при каких условиях не зависит только от вооруженности аналитика интерпретациями, ограничения сказались и на эффективности. На другом уровне, а именно на уровне аналитической психотерапии, было много экспериментирования, вариаций и модификаций,

но отношение терапевтических переменных к психоанализу никогда не было предметом изучения. По крайней мере, именно так мы понимаем критику Кернберга, хотя следует указать на то, что именно в области разновидностей психодинамической терапии проводились многочисленные исследования (Luborsky, 1984; Strupp, Binder, 1984).

1.7 Социокультурные изменения

Нельзя решить текущие проблемы техники лечения, имитируя естественное великодушное психоаналитическое отношение Фрейда к своим пациентам, даже несмотря на то, что такое отношение является желанным противоядием от стереотипов. Решения Фрейдом проблем теории и практики могут служить образцом для настоящего времени только в той степени, в какой существует сходство между тогдашней и теперешней ситуацией. Далеко идущие изменения в нашем мире, начиная с 1930-х годов, включая глобальную небезопасность ядерного века, воздействуют на индивида через разрушение социальных и семейных структур. Возможно, пройдет много времени, прежде чем исторические изменения повлияют на семейную жизнь. Могут смениться поколения, прежде чем исторические и психосоциальные процессы смогут воздействовать на семейную жизнь до такой степени, что у индивидов разовьются психические или соматические болезни. Традиционные неосознаваемые отношения в каждой отдельной семье могут оставаться неизменными в течение очень долгого времени, следуя канонам семейного романа и во многом независимо от исторических и социокультурных изменений. Вот почему в некоторых областях Германии все еще встречаются «неврозы одержимости» и попытки излечения посредством изгнания бесов, как во времена средневековья.

Сексуальная революция уменьшила вытеснение сексуальности в целом, а противозачаточные таблетки способствовали женской эмансипации и позволили женщинам претендовать на большее сексуальное самоопределение. Как и предсказано психоаналитической теорией, стало меньше случаев заболеваний истерией. Похоже, что конфликты сегодня скорее проявляются на эдиповом уровне, а не развиваются в структуры Сверх-Я (то есть в типичный эдипов комплекс конца века).

Поскольку психоаналитический метод принципиально имеет дело с типичным семейным происхождением психической болезни, уделяя особое внимание детству, — психосоциальное влияние на подростков, дающее им «второй шанс» (Bios, 1985, p. 138), недооценивали до тех пор, пока Эриксон не сконцентрировал на них внимание (например: Erikson, 1959). В течение многих лет факторы, благодаря которым поддерживаются симптомы, также не получили достаточного рассмотрения при определении техники лечения. Сначала это двойное отрицание имело не много побочных эффектов, так как ранний анализ Оно и позднейший, ориентированный на эгопсихологию анализ сопротивления могли предположить существование стабильных, даже ригидных структур, которые приобретаются на ранних стадиях.

Аналитик помогал пациенту достичь большей внутренней свободы: заповеди строгого Сверх-Я, которые являются результатом идентификации с деспотичными главами семейств, заменялись более человечными ценностями. Стрэчи (Strachey, 1934) дал примерный отчет об этом терапевтическом процессе.

Почти в то же самое время началось обсуждение темы, недавно ставшей центром

внимания, а именно темы безопасности, надежности, рассматриваемой как противовес разрушению исторических и психосоциальных структур. Не случайно в век нарциссизма и идеологии (Lasch, 1979; Bracher, 1982) тема безопасности наконец заняла столь важное место в обсуждении психоаналитической техники лечения, хотя можно без труда проследить ее возникновение в 1930-х годах у Фрейда и Адлера. Нововведение Кохута, вероятно, обязано своим влиянием тому факту, что пациенты и аналитики в равной степени не удовлетворены анатомирующей природой психологии конфликта и нуждаются в цельности, поддержке, нарциссической безопасности.

Поскольку эпидемиологическое изучение встречаемости неврозов стало проводиться только в последнее время (Scheperank, 1982; Häfner, 1985), нельзя произвести никаких точных сравнений с прошлым. Нам приходится полагаться на личные впечатления, которые вдвойне ненадежны из-за сильного влияния моды на диагностические классификации. И все же не может быть никаких сомнений, что сегодняшний психоаналитик сталкивается с проблемами, которые не были в поле внимания в практике Фрейда (Thomä, Kächele, 1976).

Большинство людей в странах западной демократии живут в социальной системе, которая защищает их от ударов судьбы, в том числе и от финансового риска, связанного с болезнью. Современная клиентура западногерманских психоаналитиков почти не включает пациентов, которые платят за себя полностью. Теперь пациенты из всех слоев общества, богатые или бедные, могут проходить психоаналитическое лечение, которое оплачивает страховая система, в свою очередь, финансируемая регулярными вкладами страхуемого населения. Таким образом, сбылось предсказание Фрейда (1919a). Терапевтическая эффективность психоанализа сегодня важна более, чем когда-либо. Эйсслер тоже утвердился в своем убеждении, что «социализированная медицина будет играть огромную роль в будущем развитии [психоанализа]. Мы не можем ожидать, что общество будет платить большие деньги, необходимые для анализа отдельных индивидов, тогда как можно достичь симптоматического улучшения у большого количества пациентов» (Eissler, цит. по: Miller, 1975, p. 151).

Конвергенции 83

Мы придерживаемся того мнения, что существует более, чем это обычно считается, тесная связь между научным обоснованием психоанализа и его терапевтической эффективностью. Социальное давление и возрастающая конкуренция интенсифицировали стремление аналитиков дать научное обоснование эффективности того, что они делают.

1.8 Конвергенции

Критика психоанализа изнутри и извне привнесла значительные перемены, в том числе наметились явные тенденции к сближению и интеграции различных течений (M. Shane, E. Shane, 1980). Мы считаем, что вполне оправданно вести речь о конвергенции между различными школами внутри психоанализа, а также между психоанализом и смежными дисциплинами. Те линии развития, которые мы рассматриваем ниже, ясно показывают общие черты, позволяющие нам воздвигнуть наш двухтомный труд на твердом фундаменте, несмотря на существующую сейчас анархо-революционную ситуацию в психоанализе. Можно отметить следующие моменты.

Теории объектных отношений признают, что аналитик становится эффективным в качестве «нового объекта» (Loewald, 1960), и, следовательно, идут по пути признания субъекта и интерсубъективности в аналитической ситуации. Характерной чертой этой тенденции является то, что сегодня психоаналитики обсуждают расширение понятия переноса (см. разд. 2.5.). Психоаналитический метод всегда основывался на диадических

отношениях. Именно тогда, когда аналитик вступает во взаимодействие, ему доступны бессознательные элементы объектных отношений. Все указывает на появившуюся теперь возможность решить большие терапевтические и теоретические проблемы интерсубъективности, проблемы переноса и контрпереноса.

Одним из значимых вопросов техники лечения является идентификация пациента с функциями аналитика (Hoffer, 1950). Эти функции не воспринимаются как абстрактные процессы; скорее пациент их переживает в своей личной ситуации в лечении. Следовательно, идентификация пациента с функциями аналитика в смысле, описанном Лёвальдом, связана с конкретным взаимодействием с аналитиком, от которого эти функции можно изолировать только искусственно. Личность, с которой происходит идентификация, вовсе не интроецируется как объект и не содержится в интрапсихической изоляции. Лёвальд (1980, р. 48) подчеркивал, что интроецируется *взаимодействие*, а не объект.

84 Психоанализ. Современное состояние

Важным моментом в психоаналитических описаниях бессознательных элементов объектных отношений фактически являются различные аспекты действий и их отражения в (бессознательном) мире фантазии. То, что сохраняется как «внутренний объект», — это не изолированное понятие, но образ в памяти, помещенный в контекст действия. Логичным был приход Шафера (Schaffer, 1976) к языку действия, после того как Крис (Kris, 1975) описал исследование действия как научный подход, пригодный для психоанализа. Объекты накапливаются с рождения и дальше в рамках качественно разнообразного контекста действий. Повторяющиеся акты общения создают бессознательные схемы, которые могут сохранять высокую степень стабильности. Такие прочные структуры идут рука об руку с готовностью к переносу, который и развивается с большей или меньшей быстротой и легкостью.

Эти контексты взаимодействия с самого начала учитывались в психоаналитических теориях объектных отношений. Внимание, уделяемое этому в последнее время, во многом объясняется открытиями в области поведения матери и ребенка. Теории объектных отношений обогащены исследованиями привязанности, которые проводил Боулби (Bowlby, 1969). Эмде подчеркивал значение *социального* взаимодействия, следующим образом подводя итог результатам исследований:

Младенец с самого начала организован для социального взаимодействия и принимает участие во взаимном общении с теми, кто осуществляет за ним уход. Мы не можем рассматривать индивидов в социальном окружении как «статичные мишени влечений», и под этим углом зрения такие термины, как «объектные отношения», с их коннотациями выглядят неудачными (Emde, 1981, р. 218).

Даже младенец строит свой опыт активно. В этих процессах взаимодействия большую роль играют аффекты.

Теория либидо не охватывает этого процесса аффективного взаимодействия. Шпиц (Spitz, 1976) продемонстрировал, что Фрейд принципиально рассматривал либидозные объекты с позиции ребенка (и его бессознательных желаний), а не на фоне отношений взаимодействия между матерью и ребенком. Эта традиция настолько прочно закрепилась, что Кохут вывел Я-объекты из гипотетического нарциссического способа, которым младенец видит и ощущает окружающее.

В этом отношении поучительны новаторские эксперименты Харлоу (Harlow, 1958, 1962). Он воспитывал резус-макак с матерями-суррогатами, сделанными из проволоки и махровой ткани, то есть с неживыми объектами. Эти обезьянки были неспособны играть и развивать социальные отношения. Они страдали неконтролируемой тревогой и приступами гнева, враждебности и деструктивности. У взрослых животных не наблюдалось ника-

кого сексуального поведения. Шпиц объяснил эти тяжелые дефекты развития отсутствием *взаимности* между суррогатом матери и детенышем обезьяны. Он полагает, что взаимность является основой диалога матери и ребенка. Хотя до сих пор он придерживается концепции объектных отношений (Spitz, 1965, p. 173, 182), ясно, что его описания основаны на интерсубъективной системе взаимодействия.

В конечном счете, эти новейшие теории инфантильного развития, а также интеграция междисциплинарных теорий общения и действия, возможно, будут иметь значительные последствия для психоанализа (Lichtenberg, 1983). Во всех сферах психоанализ вносит вклад в знания о бессознательных параметрах поведения человека.

Точно так же, как теории объектных отношений необходимы для психологии двух и трех персон, *эгопсихология* была бы тоже ограничена своей самой непосредственной сферой значимости без «диалогической жизни», без «ты» (Buber, 1974). Конечно, верно то, что техника лечения в эгопсихологии изначально систематизировалась в соответствии с моделью интрапсихического конфликта по пути, обозначенному А. Фрейд в «Я и механизмах защиты» (1936). Она описывает «размышления о психоаналитической терапии», которые определяют диапазон психоаналитической терапии в терминах *психического конфликта* (p. 68). В то же самое время новаторское исследование Хартманна (Hartmann, 1958 [1939]), озаглавленное «Эгопсихология и проблема адаптации», привело к большему взаимному обмену с социальными науками, причем социальная психология сыграла в этом посредническую роль. Необходимо сказать, однако, что критическое исследование Карвета (Carveth, 1984a) выявило недостаточность подлинного междисциплинарного сотрудничества.

Критика метапсихологии и теории либидо расчистила путь для установления связей между интрапсихической и межличностной теориями конфликта. Однако невозможно свести межличностный подход к понятию «участвующий наблюдатель» (Sullivan, 1953). Этот термин, хотя и удачный, не проясняет в достаточной степени, что участие аналитика означает его вмешательство с самого начала общения (см. разд. 2.3). И его молчание, и интерпретации, которые он предлагает, влияют на его поле наблюдения. Он не может уклониться от того факта, что изменение является следствием его участия, даже если он обманывает себя, полагая, что не имеет в виду никаких особых целей.

Члены дискуссионной группы Американской психоаналитической ассоциации, которые несколько раз встречались между 1977 и 1980 годами под председательством Лихтенберга, пришли к соглашению, что, «чем в меньшей степени мы рассматри-

86 Психоанализ. Современное состояние

ваем собственные ценности как объект исследования, тем больше они имеют тенденцию невольно и бессознательно влиять на нашу технику и теорию» (Lytton, 1983, p. 575). Из практических и научных соображений, как указывал Девере (Devereux, 1967), сегодня более, чем когда-либо, аналитик должен признать, что он не просто наблюдатель, но также и наблюдаемый, то есть что другие психоаналитики и ученые из смежных дисциплин изучают то, что аналитик чувствует, о чем думает и что делает и как его мысли и действия влияют на пациента. Такое исследование психоаналитической ситуации третьей стороной стало возможным благодаря магнитофонным записям сеансов анализа. Вклад психоаналитика в терапевтический процесс является существенным. Кроме того, в таких странах, как Германия, где лечение оплачивается благодаря системе страхования здравоохранения, общество (представленное научным сообществом), а также его страхователи имеют право изучать то, как аналитики обосновывают свои психоаналитические действия, с той очевидной оговоркой, что надо уважать личную жизнь.

Диадический подход к аналитической ситуации, который получил признание повсюду, является чем угодно, но не свободой субъективности. Напротив, именно потому, что

компетенция аналитика имеет исключительно личностный характер, он должен взять на себя ответственность за то, каким образом теория, которую он предпочитает, будет влиять на его контрперенос, так же как он отвечает за успех терапии или за его отсутствие. Следовательно, все большее число психоаналитиков призывают к тому, чтобы практика стала предметом изучения (Sandier, 1983). Само за себя говорит то, что конгресс Международной психоаналитической ассоциации в Мадриде в 1983 году был посвящен теме «Психоаналитик за работой».

Диадический подход соответствует выводам исследований новорожденных и наблюдениям над *взаимодействием мать — ребенок*. Тревартен (Trevarthen, 1977) говорит о «первичной intersубъективности». Эмде и Робинсон (Emde, Robinson, 1979), ученики Шпица, критически просмотрели свыше 300 исследований и сделали вывод, что разоблачены старые предрассудки, а именно широко распространенное неверное представление о том, что младенец пассивен и недифференцирован и что его поведение регулируется инстинктивными напряжениями и их разрядкой. Миф о младенце как о пассивном организме, реагирующем на стимуляцию и настроенном, прежде всего на ослабление стимуляции, оказался несостоятельным.

Те тенденции, которые уловили Эмде и Робинсон в результатах исследований, продолжают действовать. Согласно Сандеру (Sander, 1980) и Петерфройнду (Peterfreund, 1980), сфера приложения новейших открытий настолько велика, что придется

Конвергенции 87

отправить в отставку три мифа: «взросломорфный» («младенец — такой же, как и я»), «теоретикоморфный» («младенец таков, каким его выстраивает моя теория») и «патоморфный» («младенец чувствует и думает, как мой психотический пациент»). Поскольку Фрейд однажды назвал теорию влечений «нашей мифологией» (1933а, р. 95) и поскольку в мифах содержатся мудрые истины о человеке, процесс демифологизации серьезно волнует аналитиков. Психоаналитическая теория влечений не в последнюю очередь сохранила элементы мифологии благодаря коннотациям некоторых метафор, например принципа постоянства, которые связывают человеческое стремление к вечности и мистику любви и смерти с физикалистскими положениями, маскируясь, таким образом, под универсальное психобиологическое объяснение.

Мы вовсе не утверждаем, что intersубъективность в терапевтической ситуации выведена из взаимодействия матери и ребенка. Нас, прежде всего, заботит конвергенция принципов, которая свидетельствует о том, что диадический взгляд на аналитическую ситуацию соответствует человеческой природе, так как ее можно наблюдать начиная с первого момента жизни и далее. Мы согласны с Вольффом (Wolff, 1971), исключительно внимательным аналитиком и исследователем, когда он напоминает своим коллегам, что наиболее важные практические и научные проблемы нельзя решить ни посредством наблюдения за младенцами, ни с помощью этологии, нейрофизиологии или молекулярной биологии. С другой стороны, аналитики не могут не обращать внимания на основополагающие теории развития, когда они исследуют правила интерпретации, которым они следуют, приписывая высказываниям пациентов бессознательный смысл.

Огромную роль играет то, принимает ли во внимание лечащий аналитик работы Пиаже о развитии константности объекта, и то, какие представления о ранних отношениях матери и ребенка лежат в основе его интерпретаций. Вполне вероятно несовместимость различных теорий в силу сложности рассматриваемого вопроса и различий в методах. Поэтому важно получить сходные результаты различными способами или показать неправдоподобность некоторых положений, таких, например, как аутизм младенца. С другой стороны, в изобилии представлены исследования, отталкивающиеся от фактической раздельности матери и ребенка, которая подчеркивает взаимность в их отношениях (Stern et al., 1977). На основе эмпирических наблюдений сделан вывод (H. and M. Papoušek, 1983; Papoušek et al., 1984), что

младенец *автономен и обладает интегративной компетентностью*. Вслед за Винникоттом, делавшим упор на

88 Психоанализ. Современное состояние

взаимодействии, Шахт (Schacht, 1973) нашел удачную формулировку для терапии взрослых: «Субъект нуждается в субъекте». Разделенность и изначальная интересубъективность являются самыми большими и наиболее важными общими знаменателями в исследованиях новорожденных и результатах наблюдений над терапевтической диадой. Мы согласны с Милтоном Клейном (Milton Klein, 1981) в том, что рождение — это момент индивидуации, предполагающей, что каждый отдельный новорожденный начинает активно, творчески, с жаждой на стимулы создавать свой мир. Брейзелтон и Альс (Brazelton, Als, 1979) утверждают, что сразу после рождения различимы показатели аффективных и когнитивных реакций.

Однако дело не в точной хронологии. Очевидно, что представление о том, что ребенок активно *создает* свой мир, не дает нам знания, как он его *переживает*. Теория Пиаже (Piaget, 1954) также предполагает, что интересубъективность матери и ребенка определяется эгоцентричностью ребенка и, следовательно, поддерживает психоаналитическое положение, что плачущий ребенок воспринимает поведение своей матери, будь оно принимающим или отвергающим, как если бы он сам являлся причиной такого поведения. Другой вопрос — обладает ли эта эгоцентричность качеством нарциссического всемогущества, которое обнаруживается у взрослых.

Тезис Эмде (Emde, 1981) о том, что врожденные биологические схемы регулируют взаимодействие между матерью и ребенком, имеет огромное значение. С другой стороны, особые черты этих схем создают индивидуальность: каждый младенец и каждая мать уникальны как в отдельности, так и вместе в диаде. Оба реализуют специфические для вида (общечеловеческие) механизмы, то есть базовые биологические паттерны, своим безошибочным личным способом. Концепция Малер «кинестетической эмпатии» («*koinaesthetischen empathie*») (Mahler, 1971, p. 404), которой она пользуется для описания общих чувств и взаимных глубинных ощущений и восприятий, возникла в результате наблюдений за матерями и младенцами. Соответственно, в терапии важно найти равновесие между подобием и раздельностью, между образованием «мы-связи» и Я.

За последнее десятилетие исследования аффективного взаимообмена между матерью и ребенком подтвердили мнение Винникотта. «Младенец и материнский уход вместе образуют одно целое... Однажды я сказал: "Нет такого существа, как младенец"» (Winnicott, 1965, p. 39). Винникотт добавил, что он, естественно, имел в виду, что материнская забота является существенным компонентом, без которого не может существовать ни один ребенок, и тем самым дистанцировался от положения Фрейда о первичном нарциссизме и о переходе принципа удо-

Конвергенции 89

вольствия в принцип реальности. Он также обратил внимание на то, что сам Фрейд выдвигал возражения своему собственному тезису.

Справедливым будет возражение, что это образование, которое было бы рабом принципа удовольствия и отрицало бы реальность внешнего мира, не могло поддерживать свою жизнь даже самое короткое время, потому что оно не могло бы вообще появиться. Подобная фикция, однако, будет оправдана, если вспомнить, что ребенок (включая сюда и *материнскую заботу о нем*) почти представляет собой психическую систему такого рода (1911b, p. 220).

Если включить материнскую заботу, то фикция исчезает и можно обратиться к концепции

Винникотта о единстве мать — ребенок. Конечно, нет сомнений, что мать и ребенок отличны друг от друга, даже несмотря на то, что младенец еще не в состоянии обозначить себя как независимую личность. Эгоавтономия Хартманна (Hartmann, 1939) имеет биологические корни, и внутри единства мать — ребенок это означает, что восприятие себя возникает избирательно посредством органов чувств во взаимообмене со специфическим восприятием других. Поэтому личность матери воспринимается различно каждым младенцем по двум причинам: во-первых, ни одна мать не ведет себя совершенно одинаково с каждым из своих детей и, во-вторых, у каждого ребенка есть индивидуальная готовность к ответной реакции, которая развивается внутри этого единства. Иначе Винникотт (Winnicott, 1965) не мог бы говорить об истинном и ложном Я в дополнение к акценту на единстве мать — ребенок. *Истинное Я* имеет отношение к базовому чувству способности осознать собственный потенциал и освободить себя от ограничений, которые возникли под влиянием извне и находят свое выражение в *ложном Я*.

Эмпирические результаты наблюдений в исследованиях взаимодействия мать — ребенок можно использовать, чтобы проследить водораздел, который образовался в последние десятилетия в теории техники лечения, а именно поляризацию между консервативными структурными теоретиками и теоретиками объектных отношений. Даже приверженцы психологии двух персон Балинта (Balint, 1952) не могут не учитывать того факта, что каждый пациент является уникальным. Задача терапевтической Диады, этого единства, состоящего из двух взаимозависимых, но и независимых личностей, заключается в том, чтобы позволить пациенту установить как можно большую степень автономии.

Следовательно, надо внести поправки в нашу позицию относительно психологии двух персон. Психология индивида была выстроена в соответствии с моделью естественных наук и не соответствует ни теории, ни практике психоанализа. Мы согласны с Балинтом, который критикует теории психоаналитической

90 Психоанализ. Современное состояние

техники и психоаналитическую теорию развития за то, что они выделяют только интрапсихические процессы. Тем не менее, аналитик обязан создать оптимальные условия для пациента, чтобы тот изменялся сам, а не на основе давления извне. Необходимо подчеркнуть один аспект психологии индивида, который обязателен для психоаналитиков, несмотря на эту критику. В идеале то, что ставится на первое место, ориентировано на индивида, хотя даже самопознание, включая признание бессознательных частей личности, связано с психологией двух персон.

Новая модель психоаналитического младенца вместе с направлениями, которые открывают результаты исследований новорожденных, имеет важное значение для техники лечения (Lebovici, Soule, 1970). Интерпретации каждого аналитика, особенно его реконструкции раннего детства пациента, основаны на его теории развития. Именно по этой причине мы и говорим о теоретической концепции — модели — *психоаналитического малыша*, или *психоаналитического младенца*, которая существует в многочисленных описаниях, в разной степени точных. Создание такой модели только началось.

Эти описания сконструировали разные отцы и матери, в том числе Фрейд, Абрахам, Кляйн, Ференци, А. и М. Балинты, Винникотт, Малер и Кохут. Всем известно, что различные психоаналитические малыши очень сильно отличаются друг от друга. Создатели моделей должны примириться с тем, что их создания сравниваются.

Трагический человек Кохута лежит, как младенец, в колыбели, окруженный средой (так называемыми Я-объектами), которая только частично отражает его врожденный нарциссизм. То, что теория нарциссизма Фрейда была его крестной матерью, делает трагедию почти неизбежной, но, тем не менее, она представлена в относительно мягком свете: зло не является первичной силой, и эдипова чувства вины можно избежать, согласно Кохуту, если раннюю трагедию удастся ограничить и нарциссическое Я обнаруживает себя в зеркале

любви (Kohut, 1984, p. 13). В теории Кохута вина по Фрейду, эдипов комплекс индивида и его интрапсихические конфликты являются продуктом нарциссических нарушений в раннем детстве. Без этих нарушений эдиповы конфликты трех- и пятилетних детей в принципе были бы приятными переходными фазами, не оставляющими сколько-нибудь значительного чувства вины тогда, когда уже развилось здоровое Я. Теория Кохута дает индивиду перспективу будущего, свободного от эдиповых конфликтов. Из поздних работ Кохута можно заключить, что в случае, если обеспечивается хорошая эмпатия Я-объектов, то и человеческая трагедия также остается в разумных границах.

Конвергенции 91

Психоаналитический младенец Кляйн (Klein, 1948, 1957) совершенно другой. На этот раз крестными отцами были фрейдовский инстинкт смерти, недоброжелательство, ранние проявления которых не имеют противодействия и которые можно вынести, только разделив мир на хорошую и плохую грудь. В этом случае очевидна вся глубина трагедии дальнейшей жизни младенца в противоположность ее мягкой форме у Кохута, которая может найти выражение в самоироничном юморе. Взрослый, как считает Кляйн, подобно Сизифу, приговорен к вечной неудаче в своих попытках искупить воображаемые неверные поступки, вызванные ненавистью и завистью. В течение жизни процессы проективной и интроективной идентификации и их содержание остаются основными двигателями межличностных процессов внутри семьи, между группами людей и целыми народами.

Ограничиваясь описанием основных черт лишь двух значительных моделей психоаналитического младенца, мы выдвинули на первый план различия и противоречия. Мы сделали это намеренно, так как не склонны защищать прагматический эклектизм и рекомендовать экстракцию отдельных компонентов психоаналитических теорий раннего детства и сплавление их с элементами общей психологии развития или частями теории Пиаже. Скорее мы считаем, что продуктивный эклектизм в психоанализе и неонатологических исследованиях взаимодействия возможен лишь тогда, когда мы рассмотрим и те аспекты, которые различными конструкциями игнорируются. Беспокойство вызывало то, что сходные эмпатические интроспективные методы — Кохут подчеркнул свою близость к Кляйн в этом отношении — приводят к совершенно различным реконструкциям раннего детства.

Возможно, конечно, что противоречивые реконструкции возникают при лечении различных заболеваний. Однако в имеющейся литературе не подтверждается эта гипотеза, которую, впрочем, отцы и матери типичных психоаналитических младенцев редко рассматривают. Рано или поздно теоретикоморфное создание делается униформной моделью для объяснения самых глубинных уровней всех психических нарушений: дефекты Я, основанные на неудачных «зеркальных процессах», шизоидно-параноидная и депрессивная позиции, основанные на врожденной деструктивности, начинают казаться источником всех зол.

Мифология влечения является тем фактором, который придает младенцам разных психоаналитических семейств их специфические нарциссические (Кохут) или деструктивные (Кляйн) черты. Вот почему мы упомянули о теории нарциссизма и гипотезе влечения к смерти. Однако психоаналитические младенцы все же не потеряют своей жизнеспособности и своих *vis a*

92 Психоанализ. Современное состояние

tergo¹, если убрать этот фундамент мифологизации влечений. Вслед за Фрейдом (1923a, p. 255) нам хотелось бы обратиться к строкам Шиллера из стихотворения «Мудрость мира»

¹ Движущие силы (*лат.*).

(Die Weltweisen): «Пока научное познание / Скрепляет части мироздания, / Любовь и голод в свой черед / Весь механизм пускают в ход».